

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

Клуб

3-1980
ФЕВРАЛЬ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К 35 летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

На календаре — февраль. Вступив в свои права, он сразу же напоминает нам, что скоро наступит день, когда мы будем поздравлять с праздником всех, кто носит или когда-либо носил форму советского воина.

«Лично я чувствую приближение очередной годовщины Советской Армии и Флота по нескольким характерным приметам, — говорит Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР Елена Николаевна Гоголева, — резко увеличивается количество писем из ближних и дальних гарнизонов, все больше спектаклей и творческих встреч проходит в военных клубах, и еще: мои коллеги, да и я тоже, в ряд первоочередных дел вносят поездки в подшефные части, готовят новые программы...» Вот уже более тридцати лет Е. Н. Гоголева — председатель Центральной комиссии по культурному шефству над Вооруженными Силами СССР. По нашей просьбе Елена Николаевна рассказы-

вает об истории и сегодняшнем дне культурно-шефской работы в армии и на флоте.

НА ВКЛАДНЫХ ПЛАСТИНКАХ НОМЕРА

Первая и вторая стороны
первой пластинки:
«Мастера искусств — воинам»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Клуб

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР

**3 (537)
ФЕВРАЛЬ
1980**

Год издания
двадцать девятый
Выходит два раза
в месяц

ТРАДИЦИЯ—

Наша армия была еще очень молода — ей только-только исполнился год... На повестке дня стояло множество вопросов: как одеть, обути, обучить, вооружить защитников революции — не было проблем острее и насущнее. Да, не было... Но факт остается фактом, уже 7 апреля 1919 года В. И. Ленин подписал постановление Совета рабоче-крестьянской обороны «Об учете сценических и театральных работников», в котором подчеркивалась необходимость постоянного и повсеместного «обслуживания рабоче-крестьянской армии спектаклями, концертами и другой, имеющей характер зрелищ, культурно-просветительной деятельностью». Партия требовала использовать на всех фронтах и оружие искусства.

Как выполнялось это требование?

В архиве сохранился рапорт руководителя 6-й московской фронтовой передвижной труппы Л. Г. Миравеа: «Предварительный просмотр спектакля состоялся 24 августа 1919 года. На нем присутствовал М. И. Калинин, приглашенный участниками спектакля произнести перед началом вступительное слово. Получив одобрение Всероссийского старосты, театр выступал в Рузаевке, Саранске, Кузнецке, Сызрани, Самаре... Только в Уфе театр дал 20 спектаклей, а в Самаре играл не только для красноармейцев, но даже для казаков — перебежчиков от Колчака. Народу было свыше 8 тысяч. На лицах написано недоумение — как это, для них играют, поют, по-человечески к ним относятся! Зато как нас принимали. Стоял стон от рукоплесканий».

В дни борьбы с Врангелем Реввоенсовет Южного фронта по инициативе командующего М. В. Фрунзе предложил немедленно направить во все ар-

ДРУЖБА

Е. ГОГОЛЕВА,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического
Труда

мий агитпоезда с призывом: «Добить врага!». Один из участников такого агитпоезда, впоследствии народный артист СССР, Б. Петкер вспоминает, что поезда отличались от других исключительно яркой окраской вагонов, расписанных лозунгами «Долой Врангеля!», «Даешь Крым!». Эти лозунги и карикатуры на врагов находили живой отклик в сердцах бойцов. Когда поезд останавливался в расположении частей, артисты сразу же давали спектакли, концерты, проводились киносеансы.

Весной 1920 года К. С. Станиславский послал на Юго-Западный фронт Первую студию МХАТ. Бойцы фронта просматривали все спектакли из репертуара студии. Шефская бригада Художественного театра побывала и на Кавказском фронте. В письме к участникам бригады И. М. Москвину, Л. М. Леонидову и другим К. С. Станиславский подчеркивал: «...мы понимаем и ценим все трудности, хлопоты, лишения и опасности, и проявленную большую инициативу и энергию в обслуживании нашей армии».

Да, условия, в которых проходили выступления артистов на фронте, были очень сложными. Сценическая площадка могла быть и в сарае, и в разрушенной барской усадьбе, и в лесу, и в поле. Временем спектакля или концерта могло быть и утро, и поздняя ночь. Часто спектакль прерывался, продолжение следовало уже после боя. Но все это компенсировалось для актеров сознанием важности, необходимости своего труда для дела защиты революции.

Культурное шефство над армией и флотом ширилось. По инициативе РАБИСа — профсоюза работников искусств — проводились специальные дни «РАБИС — ФРОНТУ!», был создан пер-

вый самостоятельный театр Красной Армии, в состав художественного совета которого вошли В. Мейерхольд, В. Маяковский, Б. Жемчужный и др.

К пятой годовщине Красной Армии Политуправление Реввоенсовета Республики и профсоюз работников искусств приняли положение о культурном шефстве и утвердили решение о создании Центральной шефской комиссии.

Таковы были первые шаги нашей культурно-шефской работы. После гражданской войны необходимость активных творческих контактов художественных организаций с воинами стала еще более очевидной. Оценивая в те годы шефскую работу деятелей искусств над Красной Армией, председатель Реввоенсовета К. Е. Ворошилов писал: «Командир и политработник с признательностью относятся к своему шефу — он им помог в трудной работе по боевой и политической подготовке Красной Армии. Мобилизация творческих сил бойцов на дело укрепления мощи нашей Красной Армии в немалой степени зависит от шефской помощи».

...1941 год. Вновь фронтовые бригады. Снова жестокие дороги войны. Вспоминать то тяжелое время, мне трудно что-либо добавить к словам, которые родились в моем сердце в первые дни Великой Отечественной. От имени всех деятелей искусства я говорила тогда: «Все наши мысли и чувства прониклись войной, стали мужественны и суровы, беспощадны. Мы стали ощущать себя участниками войны, подчинив искусство делу защиты Родины».

Прежний размах и характер шефской работы теперь уже не мог удовлетворить потребности армии. Наряду с резким увеличением количества фронто-

вых бригад, Коммунистическая партия поставила перед работниками советского искусства задачу создать новый остропублицистический репертуар, оперативно откликаться на события произведений большой мобилизующей силы.

Уже в июне 41-го появились на улицах наших городов, в воинских частях талантиливые плакаты художников Кукрыниксов, Тоидзе и др., зазвучали патристические песни Б. Александрова, М. Блантера, начали выпускаться боевые кино-сборники.

На Западном фронте работала объединенная бригада артистов Большого театра, оперетты, сатиры, Мосэстрады. На Карельском фронте постоянно выступали ленинградские артисты...

Утром 12 сентября 1941 года было передано очередное сообщение Совинформбюро. Мы слушали его с особым волнением. В сообщении говорилось: «С огромным патристическим подъемом отдают свои силы делу беспощадной борьбы с фашистами работники искусства. Многие из них в рядах Красной Армии борются с ненавистным врагом, многие работники искусств обслуживают фронт. Ленинградцы организовали более 3 500 концертов и больше 110 выездных спектаклей на линии фронта. Артисты Москвы и московской области дали 3 800 концертов. В концертах для бойцов участвуют народные артисты СССР гг. Барсова, Козловский, Рейзен, Пирогов, Михайлов, народные артисты республики Гоголева, Турчанинова, Ливанов, Топорков и сотни молодых артистов».

В бригаде, с которой пришлось выезжать на фронт мне, были такие замечательные артисты Малого театра, как Пров Михайлович Садовский, Игорь Владимирович Ильинский, Всеволод Николаевич Аксенов. Вспоминается начало 1942 года. Наши войска только что отбросили фашистов от Москвы, но фронт пролегал еще достаточно близко от столицы, в районе Борисова. Было очень холодно. Но никто не позволил себе выступать перед бойцами в пальто или полушубках — на импровизированную сцену мы выходили всегда в концертных платьях. Очень хотелось, чтобы у бойцов появилось ощущение настоящего праздника, каким является концерт или спектакль в помещении театра. Репертуар у нас был большой и разнообразный. Мы стремились подбодрить наших воинов, вселить в них новые силы, развлечь в короткие минуты их отдыха. И были счастливы, когда нам это удавалось.

Первые месяцы войны оказались для деятелей культуры, как и для всей страны, самыми трудными. Потом фронтовая военно-шефская работа приобрела гигантский размах. Она завершилась достойно концертами для воинов-победителей у стен рейхстага.

Все мы гордимся тем, что в годы войны более тысячи работников культуры и искусства были награждены боевыми орденами, а двенадцать человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Хочу сказать, что в этом году — году 35-летия Великой Победы — по инициативе Центральной шефской комиссии в передачах Всесоюзного радио и по Центральному телевидению прозвучат выступления участников фронтовых артистических бригад, воспоминания выдающихся деятелей нашей культуры о концертных поездках, неза-

бываемых встречах с бойцами и командирами — участниками грандиозных сражений на фронтах Великой Отечественной войны. С чувством глубокой ответственности готовимся мы и к проведению Всесоюзного месячника культурно-шефской работы, посвященного 35-й годовщине Победы (месячник пройдет в апреле — мае этого года). Лекции, беседы, встречи с ветеранами войны — все эти мероприятия направлены на глубокое постижение молодыми солдатами замечательных боевых традиций Вооруженных Сил СССР, героических подвигов советских воинов в годы Великой Отечественной войны.

Говоря о сегодняшнем дне культурно-шефства над Вооруженными Силами СССР, необходимо отметить, что в послевоенные годы оно приобрело качественно новый характер. Судите сами — срок службы в рядах Советской Армии занимает относительно небольшой, но очень ответственный период в жизни молодого гражданина нашей страны: 18—20 лет — это именно тот возраст, когда окончательно складывается характер, формируется мировоззрение, происходит сознательное становление личности. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев подчеркнул огромную роль Советской Армии в вопросах идейно-воспитательной работы, комплексного подхода к воспитанию молодежи: «... юноши приходят в солдатскую семью, не имея жизненной школы. Но возвращаясь они из армии уже людьми, прошедшими школу выдержки и дисциплины, получившими технические, профессиональные знания и политическую подготовку». Годы воинской службы вспоминаются советскому человеку как одна из ярких страниц биографии, многие навыки и привычки, приобретенные в армии, люди пронесут через всю жизнь. Надо ли говорить, как велика роль деятелей искусства, работников культуры, помогающих командирам и политработникам в деле формирования идейной убежденности, развития духовных качеств человека — строителя коммунизма, как важно активно использовать весь арсенал традиционных и новых форм и методов культурно-шефской работы с молодыми воинами!

Ныне в практику нашей шефской работы вошли такие формы, как проведение в войсках дней литературы и искусства, организация постоянных и передвижных выставок, создание школ, университетов культуры, военно-патристических клубов. Значительно расширилась творческая и методическая помощь армейской художественной самодеятельности: при театрах и театральных обществах созданы специальные консультационные пункты. Здесь оказывается помощь в составлении программ, подборе репертуара. При гарнизонных клубах и Домах офицеров создаются новые студии изобразительного искусства, киностудии, литературные объединения.

Перечислять можно многое, но я прекрасно понимаю, что лучше привести несколько живых и ярких примеров. Сошлюсь на Ленинградский театр музыкальной комедии, который оказал помощь Высшему военно-морскому училищу имени Фрунзе в постановке восьми спектаклей. Назову также писателей Г. Скульского и Л. Зайцева, бессменно руководящих около двадцати лет литературным объединением при Таллинском Доме офицеров. Интересный до-

говор, на мой взгляд, заключен между Белорусским союзом кинематографистов и одним из воинских гарнизонов. При гарнизонном Доме офицеров создана любительская киностудия, открыт клуб «Офицерские семьи».

В культурном шефстве ныне участвует не только широкий круг творческой интеллигенции, но и коллективы государственных, профсоюзных культурно-просветительных учреждений. Большую роль в этом сыграло постановление Президиума ВЦСПС «Об укреплении шефских связей профсоюзов с Вооруженными Силами СССР». При многих культурно-просветительных учреждениях страны организованы университеты и лектории будущего воина, клубы боевых традиций, боевой славы. Их в стране в настоящее время насчитывается более 18 тысяч.

Клубы, Дворцы культуры, музеи, библиотеки перешли сейчас в культурном шефстве от разрозненных мероприятий к планомерной, последовательной работе. Во многих Дворцах культуры, музеях солдаты принимают присягу, а для призывной молодежи проводятся торжественные ритуалы: «Есть такая профессия — защищать Родину».

Академией героико-патристического воспитания является мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Интересную работу проводят также клубы и музеи Украины, республик Закарпатья, Приморского и Хабаровского края, городов — Пскова, Мурманска, Брянска, Волгограда. Мы очень ценим активное участие в шефской работе Всесоюзного общества «Знание». Большой интерес вызывают выступления ученых непосредственно в воинских частях и подразделениях.

Одним из важнейших направлений военно-шефской работы является создание новых произведений о Советской Армии: книг, спектаклей, фильмов, произведений малых форм. Художников, писателей, артистов, музыкантов продолжает постоянно волновать вопрос, как полнее отобразить подвиг советского солдата в минувшей войне, его героические мирные будни?

В воспоминаниях Л. И. Брежнева «Малая земля» описаны «составные» настоящего героизма — отвага, самопожертвование, высокая сознательность воинов. Вот как пишет Леонид Ильич о подвиге парторга Валлиулина: «...вряд ли говорил себе «сейчас совершу подвиг». Нет, эта храбрость была не картино героическая, а немногословная, неброская, я бы даже сказал, скромная, какую особенно ценил, судя по роману «Война и мир» Л. Н. Толстой. И подвиг был в толстовском понимании этого слова: человек делает то, что должен делать, несмотря ни на что... Значит, не безотчетное это действие — подвиг, а убежденность в правоте и величии дела, за которое человек сознательно отдает свою жизнь».

Точно и убедительно сказано! И не сомневайтесь, я здесь ответ на вопрос, как раскрыть в искусстве тему подвига?

Мы гордимся тем, что культурно-шефская работа среди воинов проводится в основном целенаправленно и эффективно. Она организуется в соответствии с требованиями Положения о культурном шефстве над Вооруженными Силами СССР. Хочу отметить огромный вклад в шефскую работу не только ветеранов, но и молодых актеров, музыкантов, писателей.

Однако достаточно ли сделанного, чтобы быть нам на уровне тех задач, которые четко сформулированы в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и докладе М. А. Суслова на Всесоюзном совещании идеологических работников в Москве?

Чтобы коренным образом улучшить всю нашу работу, предстоит особое внимание уделить комплексным перспективным планам шефских мероприятий, рассчитанных на два-три года, т. е. на срок действительной службы в армии, на флоте. При составлении этих планов необходимо использовать опыт Ленинградской областной шефской комиссии: обслуживание воинов непосредственно в полевых условиях, на тактических учениях. И это правильно, ведь большую часть времени солдаты и командиры проводят в полевых условиях. Ленинградская областная культурно-шефская комиссия перед началом учений «Север» обсудила план культурного обслуживания воинов и внесла свои предложения на обсуждение президиума областного совета профсоюза. Были сформированы 24 агитационно-художественные бригады, которые дали десятки концертов.

Большого внимания и поддержки заслуживает также практика республиканских шефских комиссий Белоруссии, Эстонии, Литвы, Латвии по созданию комплексных бригад (в отличие от концертных в состав этих бригад входят ученые и писатели, архитекторы, художники, композиторы — своеобразный массированный «культурный десант»). Организация выездов таких бригад в отдаленные гарнизоны, безусловно, дело огромной важности. Вообще, говоря о культурно-шефской работе в армии в наши дни, мне бы хотелось подчеркнуть, что это, в сущности, уже не столько шефство, сколько сотрудничество — взаимная и крепкая дружба, взаимообогащающая и воинов, и нас, работников культуры, новыми знаниями и впечатлениями, близким и незабываемым знакомством с удивительными характерами, интересными суждениями, разнообразными талантами.

...Сегодня, как и много лет назад, с интересом и благодарностью я принимаю приглашения воинов приехать в их часть. Горжусь тем, что довелось мне побывать на всех границах нашей страны, даже в тех местах, куда можно добраться только вертолетом. Часто вспоминаю гостеприимных хозяев. И не только то, как внимательно и понимающе принимали они наше творчество, но и то, какими своеобразными артистами, художниками, музыкантами оказывались сами, какими иногда поистине энциклопедическими знаниями обладали. Честное слово, стоит гордиться, что есть в этом частица и нашего труда.

Поставив на проигрыватель пластинку «Мастера искусств — воинам», вы услышите голос народной артистки СССР, Героя Социалистического труда Елены Николаевны Гоголевой; вас ждет также встреча с народной артисткой СССР Клавдией Ивановной Шульженко; Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской премии поэтом Эдуардасом Межелайтисом и молдавским композитором, заслуженным деятелем искусств республики, лауреатом премии комсомола Молдавии Евгением Догой.

Работать ПО-ЛЕНИНСКИ

Советский народ, все люди доброй воли на нашей планете готовятся отметить знаменательную дату — 110-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Как живое воплощение его идей и заветов предстают перед всем миром величайшие социальные завоевания общества развитого социализма, мировой социалистической системы. Победоносную правду и правоту марксистско-ленинского учения подтверждает весь ход современной истории.

«Непреодолимое значение ленинизма, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — состоит в том, что он глубоко и точно выражает интересы рабочего класса, всех трудящихся, потребности всемирного социального прогресса, позволяет вырабатывать правильные ответы на самые жгучие, жизненные вопросы современности, учит смелому, творческому решению назревших проблем, вооружает научным пониманием перспектив общественного развития».

Огромное значение пропаганде ленинского наследия, творческому развитию

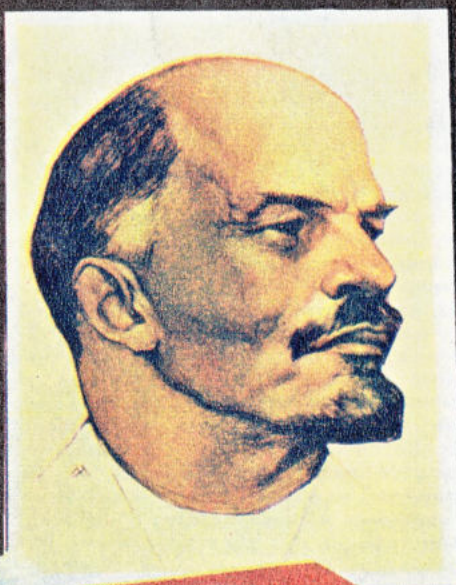
теории и практики научного коммунизма придает наша партия. Вся ее многогранная деятельность основана на неизменной верности принципам марксизма-ленинизма, органическом соединении революционной теории с историческим творчеством трудящихся масс, тщательном анализе насущных потребностей материального и духовного прогресса общества.

В своем выступлении на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев еще и еще раз подчеркнул: «...поменьше, товарищи, парадности и шумихи, поменьше того, что В. И. Ленин называл «политической трескотней». Разговор с советскими людьми должен быть откровенным, серьезным, аргументированным. К этому призывает постановление Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Партийная пропаганда, партийная агитация должны быть максимально предметны, должны убедительно, со знанием дела отвечать на все вопросы, которые волнуют людей. И тогда партийное слово сможет переплавиться в

трудовой энтузиазм, трудовые усилия десятков миллионов коммунистов и беспартийных».

Ленинской методологией, ленинским стилем работы призван неустанно овладевать каждый коммунист, каждый боец идеологического фронта, в том числе и действующий в сфере культуры, просвещения. Рост идейной и профессиональной зрелости культпросветчика, его стремление к совершенствованию своего дела закономерно и неизбежно рождает потребность постоянно обращаться к Ленину. Глубокое, систематическое изучение его трудов — основа основ формирования коммунистического мировоззрения, идейной убежденности и стойкости, и вместе с тем это — высшая школа пропагандистского мастерства.

Сегодняшняя беседа под рубрикой «Работать по-ленински» посвящена таким актуальным урокам этой школы, как ленинское искусство убеждать, умение вести полемику, отстаивать свои позиции и взгляды, верить их практическим опытом масс.

ГОРЯЧАЯ СТРАСТЬ К ИСТИНЕ

В. КУЗНЕЦОВ,

кандидат филологических наук

В знаменитых «Дебатах о свободе печати» Маркс упрекнул одного оратора за то, что тот «...не знает горячей страсти к истине, победоносного энтузиазма разума, неотразимого пафоса нравственных сил»*. Сами основоположники марксизма являют нам немеркнущий пример этих замечательных качеств. Они были в высшей степени присущи и Владимиру Ильичу Ленину. Победоносная революционная страстность во имя истины отличает все написанное и сказанное им. К. Цеткин так описывает выступление В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна:

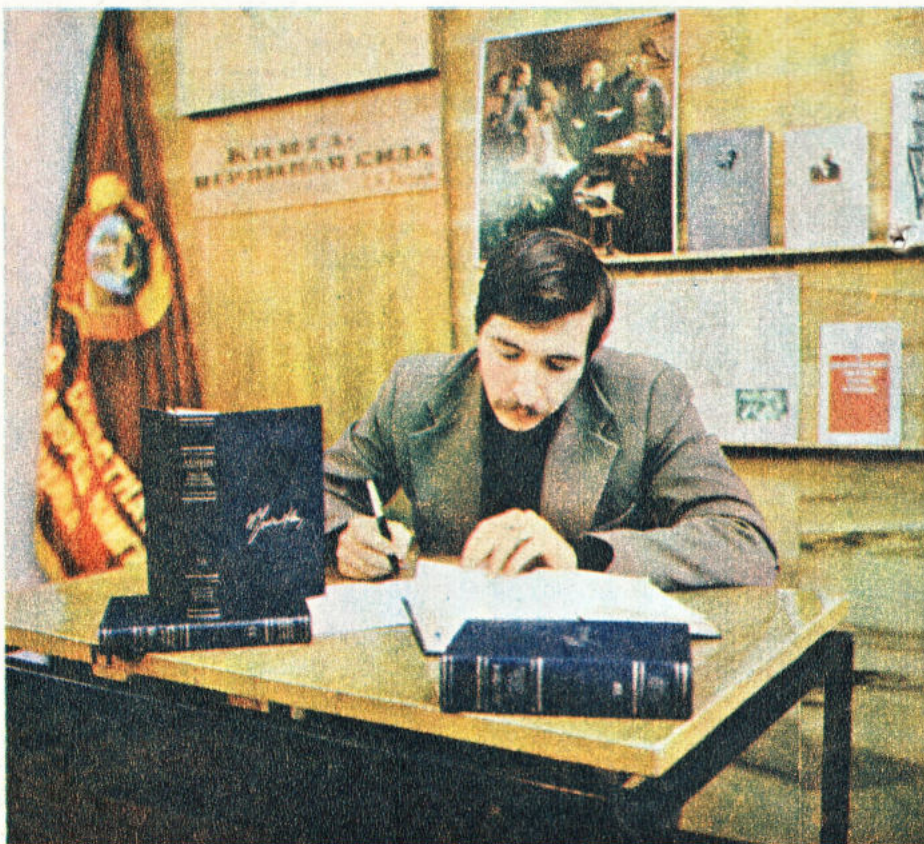
«Ленин берет слово. Его доклад — мастерской образец его искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, неумолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией... Ленин не хочет ослепить, увлечь, он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, красивых слов, которые пьют, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой вскрывает «то, что есть».

То как свистящие удары бича, то как сокрушающие удары меча обрушиваются рассуждения Ленина на голову тех, кто из «охоты за теорией» сделал себе своего рода спорт, кто не понимает того, что именно обеспечивает нам победу»**.

Поэт А. Безыменский в своих воспоминаниях рассказывает о выступлении В. И. Ленина на III съезде комсомола: «Ленинские слова были простыми и убедительными. Возвещаемая ими правда удесетеряла силу доказательств. В ленинском голосе звучала всепобеждающая человеческая страсть, сила огромного опыта, неподдельная любовь к тому, чем он сам живет и чем живут другие, требовательность и строгость гения, отеческая простота и ласка человека, стремящегося доказать и убедить»***.

Все мы, конечно, не раз перечитывали эти и другие, ставшие классическими, строки воспоминаний об Ильиче. Его искусство убеждать — образец для каждого пропагандиста и агитатора. Но чтобы действительно, не на словах, а на деле учиться у Ленина, нужно постичь самые истоки убеждающей силы ленинского слова.

Вчитаемся еще раз в приведенные выше отрывки из воспоминаний. Сила мысли, логика аргументации, огромный опыт... Они направлены отнюдь не на

то, чтобы повторить общеизвестное, нечто такое, с чем все безусловно согласны.

Нет. Перед слушателем раскрывается сам процесс анализа общественных явлений, постижения истины, и раскрывается так, что каждый становится соучастником этого процесса — увлекается им, вовлекается в него.

Вскрывая «беспощадную правду», Ленин сокрушает идейного противника, переубеждает заблуждающегося, ведет вперед — непременно вперед, и непременно к новой истине, новой задаче — тех, кто следует за неумолимой логикой его мысли. Речь Ленина — открытое, публичное, страстное исследование того или иного вопроса, явления, проблемы. И именно поэтому она — всегда преодоление, всегда борьба — за единственно верное понимание вопроса массой трудящихся, против воззрений тех, кто не понимает или умышленно искажает в глазах масс истинный смысл общественных явлений. «...Убеждая, Ленин борется» — в этих словах А. В. Луначарского сформулирована важнейшая черта ленинского пропагандистского искусства.

С пламенным публицистическим словом Ленин обращался, прежде всего, к рабочим, к рядовым членам партии, революционному народу. Именно поэтому единство слова и дела, теории и практики в ленинизме предстает перед нами

и как теснейшая, нерасторжимая слитность теоретической и агитационно-пропагандистской деятельности. Ленину было глубоко чуждо келейное теоретизирование, та самая «охота за теорией», на любителей которой он обрушивал, по словам Клары Цеткин, «сокрушающие удары меча» своей аргументацией. На той же странице своих воспоминаний К. Цеткин приводит следующие слова Ильича: «...когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них».

Заложенные Лениным принципы боевой, наступательной пропаганды опираются на представление о народе как решающей силе истории. «С беспощадной правдой», «без самообмана» постигать и вскрывать перед массами существо общественных проблем и явлений Ленин считал абсолютно необходимым, потому что глубоко верил в творческие силы и светлый разум народа, неустанно подчеркивая, что «политику в серьезном смысле слова могут делать только массы...»*, что «...при несознательных, сонных, нерешительных массах ни-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 57.

** О Ленине. Воспоминания, рассказы, очерки. М., Госполитиздат, 1956, с. 148.

*** Там же, с. 226.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 66. (В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте с указанием в скобках тома и страницы.)

какие изменения к лучшему невозможны» (21, 364—365).

Ленинским принципам агитационно-пропагандистской, идейно-воспитательной деятельности партия неуклонно следует на всех этапах развития нашего общества. Эти принципы легли в основу одного из важнейших партийных документов наших дней — постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Внимательно изучая этот документ, ясно видишь, как полно и точно воплощена в нем ленинская традиция, состоящая в том, чтобы рассматривать важнейшие качества пропаганды и агитации — научность, наступательность, связь с практическим опытом масс — в их неразрывном единстве. Мне представляется важным подчеркнуть эту мысль. И вот почему.

Отмечая сильные стороны идеологической работы, постановление ЦК КПСС со всей откровенностью и прямотой анализирует ее недостатки, намечает конкретные пути их устранения. «Нельзя сказать», — отмечал на Всесоюзном совещании идеологических работников товарищ М. А. Суслов, — что мало говорилось раньше об этих недостатках. Беда состоит в другом. В том, что от общих рассуждений о недостатках некоторые работники никак не могут перейти к конкретной деятельности по устранению этих недостатков, по их решительному изживанию из нашей практики». Почему же так случается? Центральный Комитет партии указал среди прочих на такой недостаток пропагандистской работы, как многократное механическое повторение общих истин вместо их творческого осмысления. Но ведь творческое осмысление общих, широко известных положений теории и политики партии как раз и означает необходимость открыто ставить на обсуждение аудитории актуальные вопросы нашей общественной жизни, вести с массами прямой и откровенный разговор о том, что их волнует, заражать их своей горячей страстью к истине, самостоятельно применяя общие положения к анализу конкретных вопросов и нерешенных проблем. Убеждая, пропагандист борется. А это как раз и есть самое трудное. Слабым местом многих пропагандистов, даже прекрасно знающих теорию, остается неумение применять теорию к анализу складывающихся ситуаций, вести их обсуждение, прокладывая сквозь разноречие мнений прямую дорогу к единственно верному пониманию вопроса. Полемичность, наступательность, страстное искание истины в выступлениях многих пропагандистов сплошь и рядом подменяются преподнесением оной в готовом виде. Весь путь открытия истины, борьбы за нее считается как бы привилегией кого-то другого, но только не массы слушателей. Их мысль, их мнение, социальный опыт такой пропагандист как бы оставляет в стороне. Урон, который в подобных случаях наносится активности масс, несомненен.

Постановление ЦК КПСС об идеологической работе, утверждая и развивая в новых условиях ее ленинские принципы, еще и еще раз напоминает нам: быть теоретиком научного коммунизма, пропагандистом политики партии значит быть исследователем жизни. Быть исследователем значит быть бойцом.

Помнить об этом важно любому идеологическому работнику, в том числе и клубному специалисту. Став помощни-

ком партийного комитета в организации и проведении единых политем, организуя в клубе лекционную пропаганду, наглядную агитацию, встречи населения или трудового коллектива с общественными и хозяйственными руководителями, готовя молодежный диспут, выступление агитбригады, вечер вопросов и ответов, наконец, выступая перед аудиторией самостоятельно, клубный работник каждый раз оказывается на переднем крае борьбы за умы и сердца людей. Ему приходится нередко самому вступать в споры, убеждать, направлять ход дискуссии, отвечать на вопросы. Для этого, конечно, необходимы, прежде всего, убежденность и знания. Но не только. Важно также обладать партийной страстью, навыками полемики, знать ее основные принципы и особенности. В этом клубному работнику, как и любому пропагандисту, неоценимую и незаменимую помощь должно оказать чтение ленинских трудов.

В своем «Предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин замечает, что можно излагать свои взгляды как «в положительной форме», так и «в виде полемики» (16, 98). Каждый, кто изучал и изучает его труды, знает: сам Ленин отдавал безусловное предпочтение форме полемической. При этом он глубоко обосновал взаимообусловленность и слитность положительной и полемической форм партийной пропаганды. В статье «Беседа о «кадетстве» Ленин писал: «Говорят: почему не развивать **положительно** своих взглядов? Зачем **чрезмерная полемика**?».

Ответ говорящим так нетруден: ... нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически...» (22, 66).

В этой чрезвычайно интересной и мудрой мысли тонко подмечена одна из главных особенностей полемики: ее задача — не только разоружить или переубедить противника, но и выдвинуть положительный противовес, конструктивную программу. Полемика открывает возможность (это не значит, конечно, что любой участник дискуссии способен ею воспользоваться) высказать новые взгляды, выступить с интересными, оригинальными суждениями. Сама логика спора как бы заставляет идти вглубь, в сокровенные тайники вопроса, изучать его во всей сложности, активизирует мысль, располагает к творческому поиску и анализу. «Критику ради критики» Ленин решительно отвергал, указывал, что «отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостряет», а оуплывает сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация» (30, 125).

Подавляющее большинство ленинских произведений, выступлений, речей представляет собой именно **развитие теории научного коммунизма в ходе полемики**. Ленин опровергал и высмеивал претензии тех, кто хотел отгородиться от идейной борьбы, полагая, будто полемика несовместима с научной объективностью. Поучителен пример с известным библиографом Н. А. Рубакиным, который, пытаясь дать, по его словам, обзор «русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей», ставил себе в заслугу, что «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках». «Автор забывает», — пишет Ленин, — ... что он хочет дать обзор «истории

идей», а история идей есть история смен и, следовательно, борьбы идей.

Одно из двух: или относиться бесознательно к борьбе идей — и тогда трудненько браться за ее историю (не говоря уже об участии в этой борьбе), или отказаться от претензии «никогда не участвовать ни в каких полемиках» (25, 112).

Предпочтение, которое Ленин отдавал полемической форме теоретической и пропагандистской работы, объясняется, таким образом, не только его личными качествами (хотя и тут, безусловно, сказались кипучая натура Владимира Ильича, его темперамент, острое чувство нового, непримиримость к фальши, к шаблону и застою мысли) и даже не только особенностями исторической обстановки, которая требовала вести непримиримую, постоянную войну за чистоту революционной теории, против идейного влияния на пролетариат всех и всяческих отступников от марксизма. В основе полемичности ленинских работ лежит глубокое понимание им законов развития общественной жизни и общественной мысли.

В работах «Полезная полемика», «Полемические заметки», «О пользе полемики по существу», «О характере и значении нашей полемики с либералами», «Два приема споров и борьбы», «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», «Спорные вопросы» и во многих других Ленин высказал массу ценнейших и интереснейших мыслей о том, каковы основные принципы, функции и особенности полемики, как, с кем, когда и по каким вопросам необходимо (или, напротив, ненужно и вредно) спорить, как надо дифференцировать и различать противников и оппонентов, открытых врагов, заблуждающихся друзей и просто представителей различных оттенков общего мнения, какими должны быть в каждом конкретном случае тон и приемы полемики. Можно с полным правом сказать, что это — целостное, стройное учение о полемике, выдающийся вклад в историю и теорию коммунистической публицистики и пропаганды, подлинная школа наступательной стратегии и тактики для каждого пропагандиста.

Два урока этой школы представляются сегодня особенно актуальными.

Ленин не раз подчеркивал, что идеологическая борьба — это борьба за массы, за их политическое воспитание. Сегодня, когда эта борьба на международной арене особенно обострилась, полезно напомнить, как Ленин относился к бесовским, грязным, заведомо клеветническим выпадам противника. Ему не раз приходилось браться за расчистку, так сказать, идейных авгиевых конюшен врагов марксизма, и он никогда не брезговал этой работой, если она была необходима для защиты рабочего класса от растлевающего влияния буржуазной идеологии. Вот что писал Владимир Ильич по этому поводу А. В. Луначарскому в 1905 году, имея в виду черносотенную брошюру Н. Жордания (Кострова): «Невеселая работа, вонючая, слов нет, — но ведь мы не белоручки, а газетчики, и оставлять «подлость и яд» незаклеяемыми непозволительно для публицистики социал-демократии» (47, 58). С исключительной выдержкой, самообладанием и терпением давал он отпор различным политическим интригам, ратующим якобы за народные интересы. В работе «Что

такое „друзья народа“... Ленин писал: «В заключение не лишним будет, кажется, ответить на вопрос, который, вероятно, приходил в голову не одному уже читателю. Стоило ли так долго разговаривать с подобными господами? стоило ли по существу отвечать на этот поток либеральной и защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?»

Мне кажется — стоило, не ради них, конечно, и не ради «культурной» публики, а ради того полезного урока, который могут и должны извлечь для себя из этого похода русские социалисты» (1, 279—280).

Спросим себя: разве не того же толка все софизмы нынешней буржуазной пропаганды? Взять хотя бы пресловутую проблему мнимого нарушения прав человека в СССР. «Сегодня, когда эта кампания лжи и клеветы выдыхается, — говорил на Всесоюзном совещании идеологических работников М. А. Суслов, — наши противники ищут другие поводы, используют другие пути — в ход идет все. И мы должны уметь разоблачать самые изощренные провокации противника».

В идейной борьбе Ленин придавал большое значение, так сказать, упреждающему удару. «Вы жалуетесь на односторонность», — писал он в редакцию «Несколько звезд». — Но это будет всегда, если не помешать полемике... Социалистический орган должен вести полемику... Вопрос, вести ее живо, нападая, выдвигая вопросы самостоятельно или только обороняясь, сухо, скучно» (48, 70—71). От того, кто первым, самостоятельно и в наступательной форме определяет предмет полемики, зависит, таким образом, и самый тон, пафос выступления. Доводы обороняющейся, пассивной стороны оказываются, как правило, сухими и скучными.

Но вступать в идейный бой надо далеко не всегда и не со всеми. Решительно выступая против «полемикобоязни», Ленин предупреждал и против споров, которые бы «набивали цену» противнику и были выгодны только ему. Как же отличить необходимый спор от ненужного? Где критерий? В начале 20-х годов в «Письме к немецким коммунистам» Ленин предостерегает их от полемики с анархистами и группой «левых» во главе с П. Леви: «Мы делаем только им рекламу своей полемикой с ними». Ведь им «только того и хочется», чтобы с ними спорили. И тут же Ленин ясно и точно объясняет, почему в данном случае не следует вступать в спор: «Влияния в массах они не имеют и не получают, если мы сами не будем делать ошибок» (44, 91). Степень влияния определенных взглядов на массы — вот где надо искать ответ на вопрос, заслуживают ли эти взгляды достойного отпора. Если они не имеют почвы для распространения (причем не только теперь, но и в будущем: «не имеют и не получают»), Ленин игнорирует их. Но если такое влияние хоть сколько-нибудь заметно, он не гнушается твердо, неотступно, до полной победы клеймить «подлость и яд», какой бы «невеселой» ни была эта работа.

Вот почему необходимо, как учил Ленин, без тени фальшивой идеализации знать настроения масс.

Ленинское искусство «слушать массы», поднимать и развивать их, опираясь на глубокую, неколебимую веру в творческие силы и светлый разум народа, —

один из величайших заветов современному пропагандисту, публицисту, идеологу, а кроме того, и хороший урок тем из нас, кто больше склонен на трибуне к «самовыражению» и самонадеянно уверен, будто непогрешимость собственных взглядов избавляет его от необходимости тщательно изучать реальные умонастроения.

Принципиально отличаются от полемики с идейным противником споры в среде единомышленников. Здесь дискуссии служат для коллективной выработки наилучшего решения той или иной проблемы, для привлечения к поиску такого решения широких масс, их социального опыта. Такая полемика должна идти «... в рамках, одобренных сообща всеми товарищами и членами партии» (8, 333), а «после решения компетентных органов мы все, члены партии, действуем как один человек» (14, 128). Сегодня этот ленинский принцип демократического централизма, всегда остающийся неизбывным законом для партии, все больше и больше проникает в сознание и в общественную практику самых широких слоев трудящихся. Партия постоянно советуется с народом по всем коренным вопросам коммунистического строительства, неустанно заботится о росте активности масс, их участия в управлении государством и обществом. Ярчайшим примером может служить всенародное обсуждение проекта Конституции СССР. Без учета предложений и мнений трудящихся не обходится ныне и решение отдельных, конкретных социальных проблем любого масштаба и уровня. Так, за последние полтора десятилетия широкому предварительному обсуждению в самых различных формах был подвергнут ряд законодательных актов и мероприятий в области хозяйственного и культурного строительства, народного образования, социального обеспечения, охраны природы, охраны памятников истории и культуры и т. д. Огромное значение имеет участие трудящихся в обсуждении вопросов жизни каждого отдельного трудового коллектива, села, района, города. В этих, современных, условиях дальнейшего развертывания социалистической демократии задачи любого идеологического работника, и клубного в том числе, существенно усложняются. Он должен уметь не только донести до масс то или иное уже принятое решение, но и вовлечь их в самый процесс его коллективной выработки. Важную роль при этом может сыграть использование полемических форм в пропагандистской работе клуба, например, «Трибуны общественного мнения», встреч в деловой гостиной, молодежных диспутов и т. п.

Не надо бояться споров, уходить от них. Ведь различия, оттенки, расхождения в подходе разных людей к актуальным вопросам неизбежны, так как коренятся в диалектическом характере общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий (см. 20, 65). В. И. Ленин многократно подчеркивал эту мысль. Он считал, что «без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно» (24, 166). Полемика служит не только для того, чтобы найти наилучшее решение сложных вопросов, но и для преодоления односторонних, субъективных взглядов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают представители различных мнений. Без товарищеских дискус-

сий, бесед, обсуждений актуальных проблем «...невозможно общее решение, а следовательно, невозможно и единство действия» (23, 414).

Однако товарищеская полемика будет принципиальна и полезна только тогда, не однажды предупреждал Ленин, когда она выяснит глубину, характер и значение расхождений, точно определит, какие из них существенны, а какие второстепенны; покажет, где настоящие единомышленники, выдвигающие конструктивные предложения и готовые обсуждать различные средства достижения программных целей, а где люди, не разобравшиеся в самом существе политики партии, занимающиеся «критикой ради критики». Он требовал, чтобы «...полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей...» (4, 215).

Ленин советовал «...внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы неизбежные споры, неизбежная борьба мнений не вырождались в перебранку, сплетни, дразни, клеветы» (24, 166). Полемику нужно вести так, чтобы она «... не тормозила практической деятельности и положительной работы!» (8, 116).

Отстаивая в полемике право на резкость, мастерски пользуясь оружием смеха, сарказма, иронии, Ленин в то же время решительно возражал против приклеивания ярлыков, против необдуманных, легковесных обвинений. Принципиальность спора предполагает, что борьба ведется не с данной личностью, а с ее взглядами.

«Ильич, — вспоминает Н. К. Крупская, — не боялся резких слов, напротив, он иногда нарочно обострял вопросы, чтобы сделать нагляднее разницу во взглядах. Но он никогда не впадал в демагогию, никогда не занимался выискиванием мелких ошибок — это он называл «придиричеством», а выбирал для полемики самые важные, существенные вопросы»*.

Обладая в споре, по свидетельству В. Засулич, «мертвой хваткой», Ленин в то же время разительно отличался от многих своих оппонентов высочайшим тактом и корректностью по отношению к ним. «В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления...»** — отмечает А. В. Луначарский. Победоносный энтузиазм разума, неотразимый пафос нравственных сил, которыми пронизано все написанное и сказанное Ильичем, рожденные горячая страсть к истине, без малейшей примеси каких бы то ни было «личных» отношений. Так в систему ленинских принципов боевой, наступательной пропаганды включается и система высочайших нравственных требований к пропагандисту.

Пятьдесят пять томов полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина — пожизненный спутник, советчик и учитель для каждого, кто сделал своей профессией идейно-политическую, воспитательную работу в массах. Читая и перечитывая его труды, мы должны не только постигать само содержание изложенного в них великого революционного учения, но и вникать в лабораторию ленинской мысли и слова, перенимать из первых рук принципы и методы ленинской полемики, ленинского искусства убеждать.

* Крупская Н. К. О Ленине. М., 1965, с. 134.

** Воспоминания о В. И. Ленине, т. I. М., 1956, с. 265.

СОДРУЖЕСТВО: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассказ о культурно-шефской работе на селе творческого коллектива Союза художников Азербайджана, награжденного за эту работу в 1979 году переходящим Красным знаменем ВЦСПС и Министерства культуры СССР, хотелось бы начать с такого на первый взгляд незначительного, но, как нам кажется, весьма существенного эпизода.

Несколько лет назад одному из нас довелось прожить целый месяц среди рыбаков Каспия. Это была очень интересная и очень напряженная командировка. Рядом с художником работали люди, которые достойны были стать героями картин, и ежедневно рыбацкие лодки уходили от причалов в море, так и просившиеся в пейзажи. Целый день, с утра до позднего вечера, проводил художник у мольберта, и целый день, с карандашом и листком бумаги в руках, стоял возле художника мальчик — сын одного из рыбаков. Еще неумелой и нетвердой была его рука, еще робко ложился на бумагу карандашный штрих, но сквозь эту робость уже заявлял о себе настоящий талант, требующий совета, помощи, поддержки...

Сейчас трудно сказать, сколько эскизов, сколько набросков успел бы сделать художник за то время, что он посвятил занятиям с сыном рыбака, приобщая его к основам творчества, открывая ему законы и тайны нашего трудного искусства. Но та жадность, с которой ловил мальчик каждое слово учителя, схватывал каждый совет, заставляла забывать о времени... Командировка окончилась, художник вернулся в город, а через месяц в его мастерскую вошел мальчик с Каспия. Потом он приезжал в Баку часто, и эти встречи, эти уроки стали необходимыми обоим — и ученику, и учителю... И вот недавно мы узнали, что сын рыбака сейчас — один из лучших студентов художественного училища в Ленинграде, педагоги считают, что у него есть все данные, чтобы стать настоящим мастером...

Этот пример для нас очень важен. Потому что именно как помощь словом и делом, помощь искреннюю и своевременную мы и представляем себе основной принцип шефской работы.

Деятельность художника многогранна и многопланова. Он находится на переднем крае идеологической борьбы, его произведения являются неотъемлемой частью созидательного труда народа. Роль живописцев, прикладников, монументалистов, графиков, скульпторов особенно возрастает сейчас, в эпоху развитого социализма, когда искусство не только становится одним из важнейших факторов духовного развития общества, социального и нравственного становления личности, но и во многом влияет на сам научно-технический прогресс.

Сейчас, когда принято постановление ЦК Компартии Азербайджана, наметившее конкретные меры по совершенствованию нравственного воспитания в свете постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», мы вновь сверлем свою практическую деятельность с теми ответственными задачами, которые стоят перед нами.

Рядом с героями КАРТИН

Ю. ГУСЕЙНОВ,

председатель правления
Союза художников Азербайджана,
народный художник республики;

Э. ГУСЕЙНОВ,

председатель комиссии
по культурно-шефской работе
на селе при Союзе художников
Азербайджана

Можно только приветствовать, что все большую широту получает шефство наших театров, литературно-художественных журналов над заводами, колхозами, над такими стройками, как БАМ и КамАЗ. Опытные мастера руководят коллективами самодеятельности, литературными объединениями, народными театрами. Идет живительный процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры.

Л. И. Брежнев.

Из Отчетного доклада XXV съезду КПСС.

Джамиль Кулиев, Халедин Салманов.

Портрет Хандлара Аклерова, бригадира хлопкоробов колхоза имени Москвы Бардинского района

Жизнь, созидательный труд дают нам, художникам, богатейший материал для творчества, побуждают к активным, новаторским поискам. Так, лучшие люди города и села стали героями целой портретной галереи. Создание этой галереи было почетным заданием ЦК Компартии Азербайджана. Многочисленные

выставки, где эти работы экспонировались, сам процесс подготовки к ним — все это имело двустороннее воспитательное значение. Выставки, поднимающие рядовых тружеников на пьедестал почета, раскрывающие перед зрителем высокие нравственные качества героев нашего времени, становились шко-

лой воспитания гражданственности, патриотизма, уважения к труду и к человеку труда. И в то же время шел процесс воспитания самого творца художественного произведения, обретавшего новые знания, уточнявшего свои творческие позиции во время встреч с буднями нефтяника и овощевода, хлопковода и строителя, виноградаря и чабана.

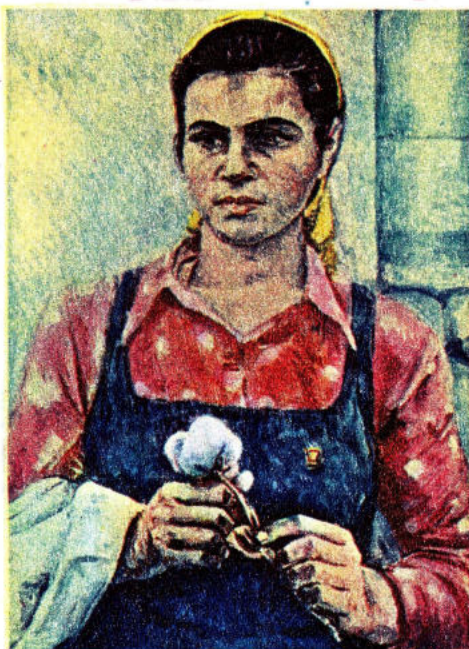
Но мы понимаем, что недостаточно только создавать произведения, пусть даже первоклассные, недостаточно организовывать выставки в лучших экспозиционных залах. Нужна в первую очередь самая широкая и массовая пропаганда искусства среди трудящихся. Поэтому кровным своим делом считаем мы работу по эстетическому воспитанию сельских тружеников. Работа на селе — одно из важнейших слагаемых всей шефской работы коллектива художников и искусствоведов. Вспоминая мудрые слова Маркса о том, что если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком, мы помогаем жителям подшефных районов, больших сел и маленьких горных селений стать художественно образованными людьми.

Вести культурно-шефскую работу на селе мы начали еще в 1970 году. При Союзе художников Азербайджана была создана специальная комиссия по шефской работе на селе. Целью деятельности комиссии стала «координация постоянной помощи районам, контроль над осуществляемыми по республике оформительскими работами и наглядной агитацией».

Члены комиссии совместно с руководителями партийных организаций районов разработали подробный план мероприятий, составленный таким образом, чтобы «художественное начало» проникало во все сферы производственной деятельности, одухотворяло жизнь и труд людей. Мы обязаны были не оставить вне поля зрения самые отдаленные населенные пункты, наладить связь с жителями колхозов и совхозов Азербайджана. Естественно, что в данном случае о «географических» исключениях, объясняемых трудностью района или, наоборот, его близостью к культурным центрам не могло идти и речи. И первое заседание комиссии проходило перед картой республики. Флажками на карте мы отметили те места, где уже имелись картинные галереи или постоянные выставки, действовали художественные студии, где в оформлении поселков принимали участие профессионалы. Но как же до обидного мало понадобилось тогда этих флажков! Районы Ханлар и Шахбуза, Астары и Дашкесана, Геокчая и Джульфы, Имишли и Хачмаса дразнили белыми пятнами. Да и в других местах дела обстояли не многим лучше.

И вот по решению комиссии большую группу из двадцати пяти ведущих художников союза прикрепили в порядке шефства ко всем районам, каждому художнику был выделен свой «персональный» участок, за все происходящее на котором — от качества плакатов и стенгазет и до вернисажей — он был в ответе. Такая практика полностью оправдала себя.

Сейчас в культурно-шефской работе на селе участвует двести пятьдесят человек — шестьдесят процентов всех творческих работников Союза художников Азербайджана. И, помимо «штатных» шефов, во все районы регулярно вы-

*Джамиль Кулиев,
Халидин Салманов.*

*Портрет Тарлан Мусаевой,
депутата Верховного Совета СССР,
механизатора колхоза «Коммунар»
Бардинского района*

езжают шефы «внештатные» — члены Союза и члены нашего объединения молодых художников.

Какова же принципиальная программа творческой командировки в район? Прежде всего, художники должны встречаться с тружениками села, проводить беседы об искусстве. Беседы эти не абстрактны, ибо шеф везет с собою большое количество альбомов, репродукций, и беседы проходят на фоне импровизированных выставок. Кроме того, художники должны помочь в художественном оформлении сельских клубов, полевых станков, стендов, в выпуске стенных газет и боевых листов. В функции шефов входит и помощь самодеятельным художникам, художественным кружкам при Домах пионеров и клубах. Активно используются и другие формы работы: проведение в клубах «искусствоведческих» конкурсов и викторин, выступления по местному радиовещанию, публикация статей и рисунков в местной прессе.

Всем необходимым для такой работы — альбомами и репродукциями, картоном и холстом, красками и кистями — художников обеспечивает Художественный фонд при нашем союзе.

В разгар хлопковой страды, когда многие села почти в полном составе допоздна находятся на полях, в районах одновременно работает до двадцати шефских бригад, по четыре-пять человек в каждой. Мы не погрешим против истины, если скажем, что общение с художниками снимает напряжение тяжелого рабочего дня, и что на полевом стане, радуя глаз своим оформлением — ярким, жизнерадостным, красочным, — и работает, и отдыхается куда приятнее...

Вообще, оформление сел, поселков и районных центров, наглядная агитация — в опытных руках. Считаем это очень важным, потому что неинтересный, неброский стенд, аляповато выполненный лозунг, непрофессионально сде-

ланный плакат дают чаще всего результат, обратный желаемому...

Зачастую встречи художников с жителями сел превращаются в настоящий праздник — торжественный, радостный, долгожданный.

Такая встреча прошла в Доме культуры села Алпан Кубинского района. В гости к работникам совхоза имени Сабир-а приехал депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР, народный художник СССР, лауреат Государственной премии республики и премии имени Д. Неру Михаил Абдуллаев. Он показал селянам выставку своих новых акварелей «Земля и море», подарил репродукции уже ставших знаменитыми работ и буклеты с автографами, дал для самых юных жителей села показательный урок живописи. О работах М. Абдуллаева, о творческих планах художников республики рассказал секретарь правления Союза художников Азербайджана профессор М. Наджафов. И какова же была радость всех собравшихся в зале Дома культуры, когда представители Союза художников предложили создать в Алпане сельскую академию художеств, преподавателями которой станут лучшие азербайджанские скульпторы и живописцы!

М. Абдуллаев — заботливого шефа — знают не только в Алпане. Ребята из интерната в поселке Серебровском Серебровского района благодарны ему за наборы гипсовых моделей, которые художник для них раздобыл, за краски и мольберты, доставленные в интернат по его инициативе. Жители Кубы любят яркую мозаичной композицией на историко-революционную тему, выполненной Абдуллаевым на шефских началах и установленной на главной площади районного центра.

А вот еще две встречи, надолго запомнившиеся как гостям, так и хозяевам. В совхозе имени М. И. Калинина Шемахинского района с виноградарями встретилась заслуженная художница республики Г. Мустафаева. Об искусстве, о благородной миссии художника шел разговор в тот памятный вечер.

В Ленкоранском районе побывали народный художник Азербайджана К. М. Кязим-заде, народный художник Азербайджана М. Ю. Рахман-заде, заслуженный деятель искусств АзССР Э. Мамедов, заслуженные художники республики А. Джафаров, Д. Кязимов, художник-монументалист Ф. Ибрагимов. Художники побывали в новом историко-краеведческом музее, где выставлены их работы: портрет выдающегося азербайджанского просветителя М. А. Алиева кисти А. Джафарова, серия «Женщины Ленкорани» М. Рахман-заде, картины К. Кязим-заде, Э. Мамедова, Д. Кязимова, настенные росписи Ф. Ибрагимова. Авторы рассказывали молодежи о создании этих работ, о своих новых планах. На следующий же день художники встречались с садоводами и овощеводами в двух совхозах Ленкоранского района...

Постепенно, все глубже узнавая жизнь районов, художники расширяли сферу своего влияния, ставили и решали все более серьезные проблемы художественного воспитания людей средствами монументального искусства.

За последние годы в районах создано около ста монументов — памятников воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Авторы многих мемориалов удостоены за эти произведения самых высоких наград. Так, за создание

памятника воинам в Ленкоранском районе скульпторам Тельману и Эльдару Зейналовым присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР 1977 года. Некоторые из памятников — как, например, в поселке Ханлар — сооружены полностью на шефских началах.

По линии Художественного фонда в 1978—1979 годах оформлено пять сельских Домов культуры, создано пять мозаичных панно, для трехсот с лишним колхозов выполнены красочные диаграммы и плакаты, рассказывающие о выполнении решений XXV съезда КПСС.

Чуть подробнее скажем о плакатах. Цех «Агитплакат» при Художественном фонде республики выпускает плакаты, посвященные сельскому хозяйству, жизни тружеников села. Авторы их — ведущие наши художники-графики и плакатисты. Более восьмисот организаций в сельских районах являются подписчиками различных тематических серий плакатов.

Профессиональные навыки художников, их умение и вкус сделали многие наши села в будни такими же красивыми, как и в праздники. Что же касается праздников, а точнее, осенних праздников урожая, то их оформление — простор для фантазии живописца. Представьте себе: на площадь, украшенную яркими многоцветными панно, транспарантами и стендами — не скучными, а привлекающими внимание зрителей, въезжают доверху нагруженные плодами нового урожая автомашины, украшенные столь же торжественно, и сочность красок, которыми расписаны их борта, спорит с красками даров нашей щедрой земли... Именно так были оформлены праздники урожая в Бардинском, Ленкоранском, Шекинском районах республики...

Немало интересного в жизнь тружеников района вносят и дни художника, и недели изобразительного искусства.

К примеру, в рамках недели изобразительного искусства в селе Караманлы Нефтечалинского района — центральной усадьбе колхоза имени С. Шаумяна — под девизом «Герои картин — герои билетов» прошло расширенное заседание секретариата Союза художников Азербайджана. На заседании выступали сами художники, первый секретарь Нефтечалинского райкома партии И. Курбанов, председатель колхоза депутат Верховного Совета республики Н. Алиев, колхозники. Члены секретариата познакомились с проектами застройки района, дали квалифицированные консультации

по оформлению производственных объектов и клубов.

Но главным событием дня стало открытие выставки, на которой были представлены тридцать четыре картины и графические работы, переданные в дар колхозу и заложившие основу сельской картинной галереи. Основу совсем неплохую: работы Р. Исмаилова, И. Ахундова, М. Мустафаева, Д. Касимова и других авторов сделали бы честь любой городской выставке...

Доброй традицией Союза художников стал показ в селах и районных центрах фрагментов республиканских выставок — показ с участием авторов, с объяснениями и комментариями, соответствующими эстетической подготовке зрителя.

Нередки и персональные выставки, из которых нельзя не отметить постоянно действующую в Лачине картинную галерею произведений народного художника АзССР М. Рахман-заде.

Открыты картинные галереи в колхозе имени Низами Сальянского района, колхозе имени 1 Мая Физулинского района, колхозе «Болгаристан» Геокчайского района. Действуют выставочные залы еще в десяти районах республики — Дашкесанском, Кировабадском, Степанакертском, Закатальском...

В целом же за год мы проводим в селах до сорока выставок, их посещают десятки тысяч зрителей. Портреты лучших сельских тружеников, как правило, экспонируются в тех районах, где живут герои. Значительная часть экспонатов с каждой такой выставки навсегда остается в селе.

По мере возможностей мы стараемся помочь и жителям сел других республик. Недавно мы получили письмо из рисосовхоза станицы Красноармейской Краснодарского края. Нас просили прислать в совхозный краеведческий музей репродукции картин азербайджанских художников. По решению секретариата союза на Кубань было отправлено девять картин — не копий, а оригиналов... Посылали мы картины и в другие районы страны.

Большое внимание Союз художников постоянно уделяет народным кустарно-художественным промыслам. Ведь азербайджанское ковроткачество, резьба по дереву, гончарное искусство, ювелирное дело известны далеко за пределами нашей страны. Ста десяти лучшим мастерам присвоено высокое звание народных мастеров Азербайджана, и среди них — стопятнадцатилетняя ткачиха из Кубы Зубейда Шейдаева.

В процессе подготовки республиканской выставки произведений мастеров народного творчества специалисты по декоративно-прикладному искусству и искусствоведы объехали весь Азербайджан. Отобранные ими экспонаты — а их было пятьсот — сначала экспонировались в районных клубах и Домах культуры, затем их можно было увидеть на зональных выставках, и лишь потом они заняли стенды выставки республиканской.

Художественный фонд республики систематически обеспечивает народных мастеров заказами, приобретает их удивительную продукцию, организует открытые выставки-продажи уникальных изделий, которых больше нигде не встретишь...

Трудно было бы нам говорить об успехах культурно-шефской работы на селе, если бы художники-профессионалы не имели тесного контакта с художниками-любителями, не передавали им свои знания и свой опыт. В Джалилабадском районе заслуженный деятель искусств республики Э. Мамедов организовал кружок рисунка. Художник С. Салимов, чьи акварели выставлены в Москве, в Третьяковской галерее, взял по собственной инициативе шефство над юными художниками селения Беч-Реш Кубинского района. Секретарь правления Союза художников Азербайджана М. Наджафов посетил выставку детского рисунка в Наримановском районе, встречался со школьниками Шаумянского района, отвечал на бесконечные вопросы ребят, главный из которых: «Как стать настоящим художником?»

Этот же вопрос — «Как стать настоящим художником?» — задают нам на всех выставках самодеятельного художественного творчества, которые мы организуем — на районных, зональных, республиканских. И мы всегда отвечаем, что дело только за талантом и трудолюбием, а что касается нашей помощи, то она себя ждать не заставит.

...В зале Союза художников Азербайджана стоит переходящее Красное знамя ВЦСПС и Министерства культуры СССР, полученное нами за организацию шефской работы на селе. Почетная награда, высокая оценка культурно-просветительной деятельности наших художников. По желанию членов Союза художников Азербайджанской ССР денежная премия ВЦСПС и Министерства культуры СССР была перечислена в фонд мира.

г. Баку

Сельский вернисаж

И. АЗИЕВ,

директор Дома культуры колхоза имени С. М. Кирова

От нашего старинного селения Хындрыстан до Баку — триста с лишним километров. Нет близости ни крупных городов, ни курортных мест. Одним словом, «глубинка», «глухомань», как с полным основанием говорили раньше. «Сельский культурный центр» — с не меньшим основанием говорим мы теперь...

Когда в просторном светлом фойе колхозного Дома культуры открывалась картинная галерея, когда гости, съехавшие на вернисаж со всего района, рассматривали и придирчиво оценивали полотна: за полотном, портрет за порт-

ретом, пейзаж за пейзажем, когда автор картины смущенно принимал цветы и поздравления, я вспоминал, как все это начиналось.

Однажды, года полтора назад, подходя, как обычно, рано утром к Дому культуры, я увидел на лужайке перед зданием двух незнакомых мужчин. Стоя возле железного щита, на котором был написан лозунг, они о чем-то оживленно спорили. Я подошел поближе, представился.

— Директор? Прекрасно! — воскликнул один из них. — Вас-то мы и ждем. Ска-

жите, пожалуйста, что это такое? — и он кивнул головой на щит.

— Как это «что»? — не понял я вопроса. — Наглядная агитация, конечно.

— Агитация?! А мы, признаться, подумали, что это железо, приготовленное для кровли... Знаешь, дорогой, помоги нам, давай-ка мы эту агитацию сейчас вместе ликвидируем.

— Как «ликвидируем»? — возмущился я. — Зачем?

— Чтоб пейзаж не портить, — спокойно, вежливо объяснил второй. — Смотри, как вокруг красиво!..

И гости начали старательно оттирать щит от столба, к которому мы его только позавчера надежно приколотили.

Я стоял, как громом пораженный, и даже не мог протянуть руку, чтобы защитить от столь бесцеремонного посягательства собственное творение. Гости же тем временем расправились и с другим таким же щитом, укрепленным с противоположной стороны лужайки...

Дальше все было совсем просто. Приезжие втащили щиты в Дом культуры, закрылись в моем кабинете, и через несколько часов на тех же столбах вновь красовались те же металлические листы. Однако слово «красовались» теперь уже не требовалось брать в кавычки. На нежно-голубом эмалевом небе обжигающе сверкало золотое солнце, и сочно-зеленые поля, раскинувшиеся под солнцем, не уступали своей свежестью малахитовым весенним полям вокруг нашего Хындрыстана. Графически четкие, объемные цифры показателей на этом новом фоне приобрели особую значительность...

Раз уж разговор зашел о наглядной агитации, замечу, что мы нередко относимся к ней чисто формально: раз требуют, значит, делаем. Прямое следствие такого отношения — те самые щиты и таблицы, возле которых никто не замедлит и шага. А ведь действие любой диаграммы, любой доски показателей, любого стенда может — и должно! — быть очень конкретным, активным, воспитывающим. При условии, разумеется, что все элементы наглядной агитации отвечают определенным требованиям, тексты их тщательно продуманы, а рисунки выполнены оригинально и броско. Короче — профессионально.

Вскоре после того дня, когда молодые бакинские художники Джамиль Кулиев и Халедин Салманов, взявшие шефство над Агдамским районом, и в частности над нашим селом, впервые появились в Хындрыстане, они стали в совхозе своими людьми. Порывистый, энергичный Джамиль и солидный, уравновешенный

Халедин никогда не спрашивали, где требуется их помощь, они все видели и знали сами. Их можно было встретить и в библиотеке Дома культуры, и в правлении колхоза, и на полеводческом стане, и в школе, и в здании, где мы решили разместить будущий краеведческий музей. (В библиотеке они перекрашивали стены в более спокойные, мягкие тона, в правлении трудились над выпуском очередного номера стенгазеты, на полеводческом стане вывешивали боевой листок с остроумными шаржами и карикатурами, в музее прикидывали, как лучше разместить собранные экспонаты, а в школе вместе с ребятами придумывали, как торжественнее и наряднее оформить актовый зал.)

Мы уже не удивлялись, когда утром обнаруживали, что матчи светильников перед Домом культуры стали расписными, что поселковые вывески радуют глаз свежей краской, а плакаты, только-только полученные по подписке из Баку, развешаны со вкусом.

Конечно, Союз художников Азербайджана помогал нам и раньше. Проект оформления нашего Дома культуры был разработан Художественным фондом республики, в библиотеке стоит скульптурный портрет великого азербайджанского поэта Касыма Бек-Закера, подаренный колхозу автором — членом-корреспондентом Академии художеств СССР скульптором У. Эльдаровым, в гости к нам приезжали лекторы и искусствоведы. Но такое сотрудничество не было постоянным. Теперь же, с появлением в Хындрыстане Кулиева и Салманова, все изменилось, и поэтому гораздо острее, чем раньше, начали реагировать селяне на любую безвкусицу, точнее, на отсутствие красоты.

Я был очень доволен, например, когда в кабинете председателя колхоза пожилой крестьянин стучал кулаком по столу и требовал — не просил, а требовал, — чтобы старые, выгоревшие стенды на участке, где работала его бригада, заменили новыми — «такими же красивыми, как у соседей».

Тяга к прекрасному живет в каждом человеке, и мы, работники культуры, должны сделать все от нас зависящее, чтобы разбудить ее.

— Послушай, Ильяс, — сказал мне как-то один из колхозников. — Почему наши колхозные артисты выступают в таких костюмах, что стыдно на спектакль гостей звать? Разве у колхоза денег нет, чтобы сшить такие костюмы, как в городе, — настоящие, красивые?!

Нужно ли говорить, что об этом разговоре узнали Кулиев и Салманов и что пять вечеров подряд корпели они над эскизами костюмов для нашего «Алмаза». Зато первое же выступление ансамбля в новых костюмах прошло с блеском!

Не было такой мелочи, к которой художники не приложили бы рук. Впрочем, они говорили, что мелочей в эстетике нет, и нам оставалось только соглашаться с этим утверждением.

Но вот о вечере, посвященном русской живописи, мне хочется рассказать особо. Ибо такие вот события, на мой взгляд, имеют принципиально важное значение для художественной жизни села. В тот вечер жители села познакомились с картинами Шишкина; Брюллова, Айвазовского, Репина, Левитана, Сурикова — мы установили проектор и показывали привезенные из Баку слайды. Потом школьники, подготовленные Джамилем и Ха-

ледином, рассказывали о жизни и творчестве русских художников. Потом сами Кулиев и Салманов отвечали на вопросы переполненного зала. Потом на экране снова сменяли друг друга цветные слайды. И случилось удивительное: если первая половина вечера проходила почти в полной тишине, то в конце его каждую очередную картину жители села встречали аплодисментами, восторженными возгласами. Суриковскую «Боярыню Морозову», словно балетную прима, вызывали на «бис», и, когда вспыхнул, наконец, свет в зале, кто-то громко сказал: «Нам бы в колхоз хоть на неделю такие картины, вот праздник был бы!»

Подобных вечеров прошло в селе немало, немало было и благодарных, теплых отзывов о них. Но в своем письме в Союз художников Азербайджана о шефской работе Д. Кулиева и Х. Салманова я процитировал и особо выделил именно эти слова простого хлопкороба, которого они сумели приобщить к прекрасному и необыкновенному миру искусства...

Целый год провели художники в Агдамском районе, не было села, где не побывали бы они за это время. И все эти поистине жаркие месяцы, помимо чисто шефской работы, они не бросали кисти — готовились к выставке, посвященной жителям района. И вот пришла очередь вернисажа. На стенах фойе Дома культуры разместились полотна: портреты, натюрморты, рисунки, жанровые картины.

Смушенно рассматривают свои портреты прославленный виноградарь совхоза имени Гуси Гаджиева Акпер Абдуллаев, звеньевая колхоза имени Тельмана Сурейя Керимова, председатель колхоза имени В. И. Ленина Хураман Аббасова, десятки других лучших колхозников нашего района. На пейзажах — радующая, ласкающая глаз природа солнечного Азербайджана, его поля, реки и горы. На натюрмортах — дары этой щедрой земли...

Если художник сумел показать людям красоту мира, красоту жизни, созданную их руками, значит, его труд не пропал даром. Наши шефы сумели сделать это в полной мере.

Сейчас «идет живописный процесс обогащения искусства знанием жизни», с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии. Мы убедились на практике, как велика может быть роль художника в этом процессе.

В наш Хындрыстан, ставший ныне настоящим культурным центром, часто приезжают гости. Мы водим их по селу, показываем Дом культуры, картинную галерею. Многие откровенно завидуют: «Нам бы таких шефов!» А Джамиль Кулиев и Халедин Салманов, хотя срок их творческой командировки давно закончился, по-прежнему бывают у нас постоянно. Они выпускают газеты, оформляют стенды, готовят новые вечера, пишут новые картины... И представить нашу жизнь без радостного общения с искусством — не только на выставках, но и в повседневной жизни — мы уже не можем...

ПО ТРУДУ И ЧЕСТИ

И. СОБОЛЕВА,
журналистка

От Кургана до деревни Ильинки путь неблизкий. Участников семинара или студентов культпросветучилища на практику в Ильинский сельский Дом культуры не так-то просто вывезти: целый день уходит на дорогу только в один конец. И все-таки с кем бы из курганских клубных работников я ни разговаривала, у каждого находился повод добрым словом вспомнить директора этого Дома культуры Геннадия Статных. Одни у него практику проходили, другие стажировались, третьи не пожалели времени съездить посмотреть, поучиться. А уж его выступления на семинарах слушал каждый. И чем больше мне рассказывали о Статных, тем больше хотелось познакомиться с ним, посмотреть, как работает.

Решила ехать в Ильинку.

Предварительный телефонный звонок в отдел культуры. Ответ неожиданный: Статных в Англии. На днях должен вернуться.

Ничего себе, куда занесло. А вообще-то, подумайте, как мы легко привыкаем к хорошему, к поездкам этим, к санаториям, к новому быту в деревне. Все как должное. А могли ли раньше даже вообразить, что парень из глухого сибирского села будет представлять в чужой стране советскую культуру.

Через несколько дней в кабинете председателя ильинского колхоза «Родина» В. И. Овсянникова я присутствую при таком разговоре (звонят из Кургана):

— Валерий Иванович, кого вы порекомендуете из своих механизаторов для туристской поездки в Индию?— Овсянников отвечает:

— Исключено. Еще не закончили уборку.

— Да не сейчас, в январе.

Он ненадолго задумывается:

— Есть у меня кандидатуры... Да, конечно, за счет колхоза... Решим на правлении... Договорились. Спасибо.

И уже мне, с улыбкой:

— Вот мы говорили о приметах новой жизни, о моральном и материальном поощрении за труд. Чем не пример такого поощрения? Можно сказать, поощрение смешанного типа, морально-материальное. Кстати, культпросветчикам опять работа — подготовить людей к поездке. Геннадий Павлович обязательно что-нибудь придумает, может быть, кинопутешествие или беседу об искусстве Индии проведет, диапозитивы покажет. А потом нашим туристам перед односельчанами придется выступать, слайды показывать, делиться впечатлениями. Он такого случая не упустит: путешествие —

событие в жизни одного человека — постарается сделать общей радостью.

Позднее у меня не раз была возможность убедиться: каждое событие, даже на первый взгляд незначительное, пытаются Статных осмыслить глубоко, увидеть в нем социальный смысл.

Поводом для серьезного, взволнованного, не оставляющего равнодушным разговора может стать брошенный в грязь кусок хлеба, сломанное дерево, разоренное птичье гнездо, женщина, стоящая в автобусе, когда мужчины сидят, или старушка, на глазах у молодых с трудом поднимающая тяжелую сумку.

Он умеет смотреть, умеет замечать, анализировать и находить свои, единственно клубу свойственные формы воздействия, формы борьбы с отступлениями от нравственных норм.

Но все это я узнаю, увижу, услышу позднее. А пока — первое знакомство с Ильинкой, первый визит — к председателю колхоза «Родина» кандидату экономических наук Валерию Ивановичу Овсянникову.

Не желая отрывать его от неотложных дел, я буквально с порога предупреждаю: «Валерий Иванович, не больше пятнадцати минут. Всего один вопрос».

Скажу сразу, пятнадцать минут растянулись до трех часов. Не подумайте, что

причиной тому чрезмерная деликатность председателя, не сумевшего отделаться от напористого журналиста. Причиной тому глубочайшая, искренняя заинтересованность Овсянникова предметом разговора.

Итак, я задаю первый (предполагаемо единственный) вопрос.

— Как вы оцениваете работу Дома культуры?

Он улыбается не без снисходительности:

— Как и любую работу — по результатам. Вот мы вырастили невиданный в нашей области урожай, перешибли роковую цифру — 40 центнеров зерна с гектара. Вам это что-нибудь говорит? Так вот, никогда никто к востоку от Урала такого урожая не получал.

— Вы считаете, что Дом культуры внес в этот урожай свой вклад? Но реальную долю его определить затруднительно.

— Конечно. Может быть, и вовсе невозможно. Да и нужно ли? Я имею в виду, нужна ли здесь точность подсчетов, та, с которой мы подсчитываем килограммы, рубли. Уверен, сказанное во время слово, не случайное, нужное, дошедшее до сердца человека, обращается в эти самые килограммы, рубли, тонны. Думаю, к нашему Дому культуры неприменимо ставшее привычным выражение «связан с производством». Это уже пройденный этап. Дом культуры — часть производства, часть жизни колхоза. Даже делами, прямо с производством не связанными, Дом культуры тоже в общее дело свою долю вносит: отдых ведь — подготовка к труду. Не обвиняйте в упрощенчестве. Исправлюсь: в том числе и подготовка к труду.

— А в борьбе с недостатками, с нарушениями трудовой дисциплины Дом культуры может оказать колхозу реальную помощь?

— Несомненно. Вообще-то, у нас, колхозных руководителей, есть достаточно, что называется, карательные меры воздействия на нарушителей, больно бьющих по карману пьяниц и лодырей. Зато у культпросветчиков свои, и часто не менее действенные возможности: острое слово агитбригады, вечер экономического анализа, когда называют цифры нанесенного колхозу ущерба, заставляют виновников подняться, посмотреть в глаза товарищам.

Кстати сказать, число нарушений трудовой дисциплины сократилось у нас за последние годы очень значительно, но ослабить борьбу с нарушителями, как бы мало их ни осталось, не имеем права. Во-первых, мы хотим создать и закрепить такой настрой в коллективе, чтобы любое нарушение дисциплины труда, пусть не очень и значительно, пусть единственное, все воспринимали бы как явление чрезвычайное, нетерпимое. Во-вторых, сейчас от каждого прогула ущерб значительно больший, чем раньше. Так сказать, последствия НТР. Чем больше механизмируется сельскохозяйственный труд, тем больше заметен вклад в общее дело каждого человека: он вооружен техникой. Сравните: раньше запил, к примеру, один косарь — его отсутствие не так уж и заметно, а сегодня, если не явился на работу один комбайнер? Простаивает К-700. А это же 200 лошадиных сил! Сколько килограммов хлеба, мяса, молока мы недосчитаемся на своем столе, если будем снисходительными к пьяницам и прогульщикам? Вот мы и ведем бой единым фронтом:

и партийная организация, и правление колхоза, и профсоюз, и комсомол, и работники культуры. У Статных каждый, кто склонен сверх меры приклядываться к бутылке, на учете. Я не буду перечислять всего, что делает наш Дом культуры (без местоимения «наш» Овсянников вообще слов «Дом культуры» не употребляет — И. С.) в помощь производству. Скажу только: без него, как организатора общения, нам сегодня в работе с коллективом пришлось бы очень и очень трудно. Недостаток культуры весьма заметно ощущаешь непосредственно через производство.

С Геннадием Павловичем встретилась я в первый день после его возвращения из Англии.

Двери директорского кабинета не закрывались до позднего вечера. Кажется, не было в деревне человека, который не заглянул бы расспросить о поездке, рассказать о новостях, просто поздороваться.

Это было скверно: нам за весь день так и не удалось поговорить. И это было прекрасно: еще до знакомства с работой Дома культуры я убедилась, Статных в Ильинке нужный, очень нужный человек. Не просто уважаемый — близкий.

Был глубокий вечер, когда люди разошлись и мы остались вдвоем. Начался разговор о делах, о планах, о том, что же это такое, культпросветработа, и кто он, культпросветчик, каким он должен быть.

— Талантливый. Не обязательно музыкант или танцор, или драматический артист. Нет. Главное — талант общения. А это, по-моему, и любовь к людям, и способность понять их. А для меня как для директора сельского Дома культуры — это еще и умение понять нужды и проблемы колхоза. Более того, талант общения — это и способность организовать, повести за собой, и, конечно, уверенность: мое дело — одно из самых интересных, самых нужных на свете. А еще культпросветчик должен быть аналитиком. Вот говорят: мы должны удовлетворять интересы и запросы посетителей. Мне кажется, это не совсем верно. Не всегда же интересам потакать! Скорее так: изучать эти запросы, анализировать, а уже потом одни действительно постараться удовлетворить как можно полнее, другие, наоборот, заменить чем-то. В итоге — формировать интересы. При чем так, чтобы они служили на пользу обществу. Думаю, главная задача учебных заведений, готовящих работников идеологического фронта, не только дать знания, но и воспитать гражданина. И научить думать, а не укладывать все в заученную на уроке схему. Знаете, с какой благодарностью я вспоминаю слова о комплексном подходе к воспитанию, прозвучавшие на XXV съезде: «...обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения». Эти слова сразу все на свои места поставили, позволили широко взглянуть на средства и на цели нашей работы. А то ведь одно время только и думали, в какую графу отчета отнести это, а в какую — то. Получалась чепуха: даже если взять один вечер, он ведь не однозначен по целям, по задачам. К примеру, самое простое, распространенное: чествование передовиков. Здесь что? Помощь производству — раз, пропаганда передового опыта — два, воспитание на положительном примере — три, любовь к своей земле —

четыре, уважение к сельским профессиям, то есть профориентация, — пять; а концертные номера — это уже эстетическое воспитание. Вот и думай заведующий клубом, в какой раздел такой вечер записать.

До курьезов доходило.

Мы проговорили бы до утра, если бы дверь в кабинет не открылась и... но тут необходимо маленькое отступление.

В Ильинку Геннадий приехал 17 лет назад. Приехал не один. С ним была его невеста, Шуручка Букреева. Вместе окончили училище. А клуб-то в Ильинке один. Значит, и заведующий нужен один. Что делать? Решили: в клубе работать Геннадию, Шура пойдет в школу учить ребят пению.

Так Александра Александровна Статных «изменила» своей профессии, стала преподавателем (потом одновременно с мужем поступила в институт, только в педагогический, сейчас оба — специалисты высшей квалификации). Но в данном случае слово «измена» может быть употреблено только в кавычках. Все эти годы Шура не только жена, друг, но и помощник мужа: на общественных началах руководит она ильинским хором, самым, пожалуй, популярным и стабильным из двенадцати самостоятельных коллективов Дома культуры.

У Геннадия Павловича много добровольных помощников. Как бы одарен, энергичен он ни был, одному, и даже с помощью Шуры, невозможно было бы наладить столь многоплановую и столь последовательную воспитательную работу, дойти до каждого жителя Ильинки. Когда говорят о его заслугах, он готов без смущения признать за собой только одну: нашел общий язык с людьми, привлёк их, более того, увлек своим делом. Все остальное — уже заслуга общая.

Итак, дверь открылась и в кабинет вошла Шура.

— Так до ночи и будете здесь сидеть? Идемте домой чай пить.

Честно говоря, я ждала этого приглашения и, если бы его не последовало, сама напросилась бы в гости. Дело в том, что мне известна история вселения семьи Статных в новый дом.

А было вот как. Когда острота жилищной проблемы была снята (за последнее время в Ильинке построено более 30 благоустроенных квартир), начали строить дома для главных специалистов, для передовиков колхозного производства. Посмотришь, сердце радуется. Дома красивые, стройные, с огромными окнами, с высокими крышами, светлые, просторные. Главному агроному, зоотехнику, инженеру, лучшим людям колхоза. Каждую кандидатуру придирчиво и тщательно обсуждали на правлении.

Семья Статных жила в предоставленной несколько лет назад колхозом вполне благоустроенной квартире. Ни Геннадий, ни Шура ни о чем лучшем даже не помышляли. И вдруг Овсянников:

— На правлении решили дать вашей семье новый дом.

— Зачем? Я же не просил. Нам и так хорошо.

Овсянников взорвался:

— Хорошо ему! Скромность он мне здесь решил продемонстрировать! Как будто правление не знает, в каких условиях ты живешь. Никто и не считает, что в плохих. Не в этом дело. Ты же — руководитель. На тебе один из важнейших участков работы — культура села. У глав-

ного инженера — техника, у агронома — земля, у тебя — люди. Ты же у нас тоже главный специалист. И условия у тебя должны быть, как у других. Понятно? О престиже твоего дела думали, когда решали дать тебе дом, — и уже не без зыбительности добавили: Или трудов своих по благоустройству старой квартиры жалеешь? Ничего, тем, кто там жить будет, пригодится.

Что говорить, случай этот — исключительный. Чаще бывает другое: у руководителей хозяйств не допросишься, чтобы хоть какое-то жилье дали работникам «чужих» (государственных) учреждений культуры.

В чем же тут дело? В председателе ли колхоза «Родина», в широте его взглядов, в понимании важности идеологической работы для каждого колхозника, для производства в целом? Или в том, что Статных — заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер ордена «Знак Почета», признанный, уважаемый во всей области специалист — многолетним трудом доказал свою нужность колхозу?

Думается, в этом видна общая тенденция: очень много внимания уделяет в последние годы партия культурно-просветительной работе, много делается, чтобы улучшить условия труда, поднять уровень жизни культпросветработников.

Итак, мы в новом доме семьи Статных. Если говорить о стирании граней между городом и деревней, лучшего примера искать не нужно. И я сейчас имею в виду не книги, не пианино, не отличную мебель, не детали интерьера — все это рассказывает о хозяевах, об их вкусах, об их культуре. Я сейчас говорю о самих стенах, о доме, не единственном, каком-то исключительном, «показательном», — о новом доме, ставшем уже вполне обычным для этого сибирского села.

Он отвечает любым, самым притязательным представлениям о комфорте. Просторные, светлые комнаты, удобная планировка, паровое отопление, газ. В общем, все, как в лучшей современной городской квартире. Но к этим современным удобствам еще и сад, и двор со всем необходимым деревенскому жителю.

Когда планировали новую застройку Ильинки, долго обсуждали, как строить.

Обсуждали, кстати сказать, не только на деловых заседаниях, но и в Доме культуры. Люди привыкли собираться именно здесь не только по торжественным случаям, не только когда их приглашают, то есть когда в Доме культуры происходит что-то специально организованное, но и просто чтобы побеседовать, обсудить всех волнующие дела (думается, такого рода свободные дискуссии можно считать своеобразной трибуной общественного мнения).

Геннадий Павлович считает эти разговоры, споры очень важными, и не только потому, что они стали основанием для вывода: пока будут строить в Ильинке индивидуальные дома, дальше — посмотрят. Это, так сказать, сегодняшний результат споров, осязаемый, материальный. Для него важнее другое: высказывая свои мнения, споря, люди заботились не столько о собственных удобствах, сколько о будущем деревни, о далекой ее перспективе, о культуре в широком смысле этого слова, о том, чтобы сделать сельскую жизнь как можно более привлекательной для молодежи.

Молодеет Ильинка. Об этом с гордостью, быть может, даже большей, чем

о рекордном, невиданном урожае, говорил Овсянников, говорили другие руководители колхоза. Говорили о том, что роль Дома культуры в закреплении молодежи на селе весьма существенна.

Геннадий Павлович не склонен эту роль преувеличивать. Пытаемся определить ее реальную значимость среди множества факторов, несомненно влияющих на процесс омоложения деревни.

Во-первых, конечно, уровень жизни колхозников. Не только то, что за последние три года зарплата выросла вдвое, но и изменения в самом характере труда — постоянно растущая механизация сельскохозяйственного производства, а значит, и рост производительности, и высокие надои, и высокие урожаи, дающие право гордиться своим трудом, рождающие обнадеживающее чувство перспективы.

Во-вторых, быт. О жилищном строительстве уже говорилось, но вот одна существенная деталь: молодожены получают квартиры вне всякой очереди. (Как-то Шура то ли в шутку, то ли всерьез назвала Геннадия свахой. А он даже гордится этой своей несколько необычной ролью. Торжественная регистрация брака в Доме культуры давно вошла в обычай, но самые, наверное, веселые, самые радостные бывают свадьбы, когда жених и невеста — участники самодеятельности. А такие свадьбы в Ильинке не редкость.)

Молодеет Ильинка не только за счет того, что молодежь остается в деревне или возвращается домой, закончив учебные заведения, готовящие кадры для села; возвращаются и те, кто когда-то в поисках более легкой, более интересной жизни уехал из родных мест; приезжают из других деревень той же Курганской, да и других областей — слух о колхозе «Родина» идет далеко.

Первое время радовались каждому новому человеку. Теперь — иначе. Появилась возможность присмотреться, выбрать тех, кто по-настоящему хочет и умеет трудиться. Поэтому сначала посылают приезжих в бараках, правда, достаточно благоустроенных. Доказал делом, что не случайный ты человек в хозяйстве, — получай отдельную квартиру. Увидели, что не любишь землю, ищешь одного — больших заработков, — не нужен такой в Ильинке.

Дом культуры и здесь не остается в стороне от общеколхозных дел. Ни одного нового человека не обойдет Статных вниманием, побеседует, узнает, чем интересуется, пригласит в Дом культуры — поможет легче войти, вжиться в новый коллектив.

Но вернемся к факторам, влияющим на омоложение села. Итак, в-третьих (не берусь утверждать, что установленная нами последовательность правильна, может быть, нужно эти факторы поменять местами, может быть, они равнозначны): существующий здесь культурный комплекс, а Дом культуры — его центр, его ядро, обеспечивает широкие возможности духовного развития личности.

А это ведь важно для каждого человека в отдельности и для коллектива в целом (помните, Овсянников говорил: недостатки культуры обязательно скажутся на производстве). Главный резерв коллектива — мастерство, инициатива людей, их организованность, ответственность, дисциплина. Все это рождается, воспитывается, утверждается, становится единственно возможным способом поведения, нормой жизни, когда любит человек свою землю, когда уважает труд,

гордится его результатами. В воспитании этих качеств роль Дома культуры далеко не последняя.

Культпросветники используют все известные средства и формы культурно-просветительной работы для сознательного закрепления молодежи на селе, когда «хочу» молодого человека и «нужно» колхоза, государства естественно сливаются, совпадают.

Торжества посвящения в хлеборобы и первой полочки, отклик на каждый, пусть маленький, пусть (особенно в сравнении с работой опытных механизаторов) почти незаметный успех начинающих земледельцев, «молнии», приветствие агитбригады, концерт-подарок — все это вселяет в ребят уверенность: они нужны родному селу.

Вот, к примеру, уходят ребята в армию. Статных делает все, чтобы почувствовали — без них осиротеет колхоз, все, не только родители, будут ждать их возвращения. И встречу демобилизованных Геннадий Павлович считает делом ничуть не менее важным, чем проводы в армию. Вроде бы ничего особенного: вернулся домой молодой человек, ничем еще не проявивший себя, пользы большой колхозу не принесший. А встречают его как долгожданного почетного гостя. Дарят цветы, отчитываются (да, да, не просто рассказывают, что да как, а именно торжественно и серьезно отчитываются) перед демобилизованным солдатом о делах хозяйства за время его отсутствия. И человек ощущает уважение к себе, понимает: необходим колхозу. А когда каждый чувствует себя нужным всем — это уже настоящий коллектив.

Еще в Кургане рассказывали мне, что много раз приглашали Геннадия Павловича перебраться в областной центр, предлагали интересную работу. Он упорно, даже с раздражением отказывался. Когда наступило время прощаться, призналась, что с самого начала хотела задать ему вопрос: что держит его в Ильинке?

— Так почему же не спросили?

— Решила: попробую сама разобраться.

— И как?

— Да вроде все ясно.

Он улыбнулся:

— Вот и отлично.

Мы шли деревенской улицей. Дождь все продолжал лить, смывая с деревьев последние краски уходящей осени. Ильинка казалась мне унылой, некрасивой, измученной этим, не знающим конца, дождем.

— Я давно понял, что здесь, в этой деревне, с этими людьми — на всю жизнь, что нет для меня места лучше на всей земле. Вот и в Курган, и в Москву, и в другие города ездил — везде интересно, впечатлений масса, а о доме тоскую. Не только о семье, именно об этих местах. До поездки в Англию с такой острой не осознавал глубины этой привязанности. Поездка была интересная. Но такое все чужое. И так был счастлив, когда оказались, наконец, на нашей земле, в России. Даже воздух другой, до сих пор надышаться не могу. А сюда, в Ильинку вернулся — каждый человек, каждое дерево, земля эта, дождем размытая... Все родное, единственное — Родина.

Чтоб душа к ЗЕМЛЕ прикипела

В. Закруткин,
писатель

В станицу Кочетовскую Виталий Закруткин приехал в трудный послевоенный 1946-й. Приехал и остался. Это многих тогда удивило: вроде бы городской человек, хоть и вырос в деревне. Экстерном сдал за весь курс пединститута в Благовещенске, окончил аспирантуру в Ленинграде, там защитил диссертацию. Ему, автору книги о поэзии Пушкина и Лермонтова, прочили блестящую карьеру литературоведа. Вскоре он стал заведующим кафедрой в Ростовском пединституте.

Война, фронт. С первого дня до последнего. После демобилизации ненадолго вернулся к научной работе. Но тяга к писательству оказалась сильнее. Тогда-то автор «Плавающей станицы» и решил поселиться в Кочетовской, где написал свои лучшие книги.

...С первого утреннего «метеора» я сошел на Кочетовский причал, поднялся на крутой бережок и направился по тропинке, как вдруг попал под густой грушевый град. Это лукавый веснушчатый сатаненок потрянул ветки, усыпанные созревшими плодами. Груши забарабанили по плечам, спине, голове. И неожиданно стало по-мальчишески легко и весело.

— Сынок, а где живет писатель Закруткин?

— Так вот же, дядя, напротив калитки. Где ступени с перилами. Здесь и живет Виталий Александрович.

Калитка легко открылась, я вошел и был встречен дружелюбно-настороженным лаем двух или трех охотничьих собак хозяина. Сразу же появился и он сам, давно знакомый по фотографиям и документальным кадрам. Разве что вместо солдатской гимнастерки на нем был легкий летний костюм.

Пока я в кабинете Закруткина (признаться, не без зависти) рассматривал книжные полки, казачьи шашки и охотничьи ружья, по телефону был решен вопрос о моем поселении в станичной гостинице: «Устроитесь, отдохнете, и приходите ко мне. Я встаю в пять утра».

Утром следующего дня мы встретились для беседы. Но начали ее не в кабинете, а на станичной улице. Закруткин показывал свою Кочетовскую — землю, в которую глубоко врос корнями...

Корреспондент.

У каждого писателя есть свое Михайловское, своя Ясная Поляна... Непременно должен быть уголок родной земли, особенно любимый и значимый. И о каких бы краях ни писал писатель, черты его малой родины проступят, проявятся. Наверное, и вы, Виталий Александрович, многим обязаны Кочетовке. Вот и хотелось бы поговорить сегодня о вашем мире, о мире станицы Кочетовской, ее жизни, проблемах и, главное, людях. Исстари известно: что ни казак, то яркий характер, сильная личность. Что же можно назвать стержнем нравственного формирования личности? ... По вашему опыту...

Закруткин.

Стержень — труд, любимый, приносящий радость и удовлетворение своим результатом. Ответ, как видите, самый общий и простой. Впрочем, такой ли уж общий? Ведь каждый человек исходит прежде всего из собственного опыта.

...В гражданскую войну наша семья из голодной Феодосии переехала в деревню на Херсонщине. Отец и

мать стали сельскими учителями и получили от Советской власти земельный надел — мое первое поле. На старой выбракованной лошади ходил я за плугом, пахал и сеял — не играл в работу — растил свой хлеб. Надел, клочок земли, был нашим единственным кормильцем. В 10—12 лет я уже хорошо знал цену хлеба. Любовь и уважение к труду крестьянина остались на всю жизнь. Все, что вы видите на моем подворье: яблони и сливы, груши и виноград, овощи и цветы ухожены и выращены вот этими руками.

Несколько лет назад был я на Херсонщине, в Катериновке, где прошли мое детство и юность. Почти все оставшиеся в живых мои сверстники жили там, не изменив хлеборобской профессии. Потому что любили ее. Уважали землю, кормившую в самое лихолетье. А за добро с детства учили нас платить добром. Наше поколение по крестьянской традиции привыкло работать до седьмого пота. Да и время выпало такое, что иначе трудиться было невозможно, недопустимо. Люди выковывались трудом. Крестьянское поле в золоте хлебов воспитывало в них гордость, верность своему призванию.

Наше поколение — это первый актив колхозов, это люди, которым по силам оказался тяжелейший труд войны... Судьба послевоенного поколения складывалась иначе. После войны в разоренных хозяйствах жизнь была трудной и скудной, а в городе требовались рабочие руки без ограничения. И молодежь потянулась на заводы и стройки... Потребовались десятилетия, чтобы окрепли колхозы и совхозы и появились стимулы, удерживающие молодых на родной земле.

Корреспондент.

Конечно, сейчас, Виталий Александрович, очень изменились условия жизни

в деревне. Взять ту же Кочетовку: асфальтированные улицы, магазин, библиотека, Дворец культуры, в каждом доме телевизор, магнитофон, мотоцикл, а то и машина во дворе. Изменился и сам труд. Большинство сельских работ теперь механизировано. Современный селянин ныне имеет дело не с плугом или мотыгой, а с комбайнами, тракторами, машинной дойкой на фермах. На земле живет человек, а вроде и не крестьянин — рабочий-механизатор. И ребяташки со школьной скамьи — уже «в технике». Откуда же взяться навыкам и любви к сельскохозяйственной работе?

Закруткин.

С первой своей грядки на своем участке, под окном своего дома. Вот рассказывал мне недавно директор нашей средней школы, что с каждым годом все больше выпускников остается в станице. Школа готовит трактористов-машинистов 3-го класса, и ребята, да и девушки тянутся к механизмам. И действительно, хозяйство не испытывает сегодня нужды в кадрах. Но что настораживает: недавно разговорились мы с одним нашим ветераном-механизатором о молодежи. Вот его слова: «В школе их учили и тракторы водить, и с комбайнами управляться, и эту самую машинную дойку знать. А вот хозяйской гордости хлебороба, такому восчувствию, чтоб душа у них к земле прикипела, чтоб не прошли они мимо сорняка в своем же подворье или, скажем, чтоб коровка у них дома в чистоте содержалась, чтоб накормлена была и напоена, чтоб ухоженные цветы возле порога их дома красовались, — этому их учили? Не знаю. Может, конечно, и учили, а только, видно, маловато. Вот и получается: до комбайна или же трактора такой паренек тянется, а дома, паршивец, переступает через повилику, лебеду, ширицу, а того нет, чтобы встать пораньше, до солнышка, взять в руки тяпку да прополоть грядки так, чтоб перед соседями и землей не было совестно...»

Слушая старика, я думал: а ведь он прав. В последние годы в сельских школах ребята изучают основы агрономии, учатся водить тракторы и комбайны, работают на опытных пришкольных участках. Это, безусловно, хорошо, но скажем прямо, этого мало. Голый техницизм не сформирует характер земледельца, не зажжет в душе подростка любовь к земле, к природе, к труду хлебороба: и на безбрежных совхозных и колхозных нивах, и там, у порога родного дома. Ведь за эту малую пядь земли — приусадебный участок — он несет нравственную ответственность перед государством, перед своими согражданами, перед совестью своей.

Конечно, мой собеседник-пенсионер прав. Разве может истинный земледелец, хозяин своей земли равнодушно пройти мимо заливного луга, взрезанного гусеницами тракторов, мимо заросшего бурьянами подворья, голодного, непоенного теленка? Разве не найдет он слов, чтобы обуздать ломающего деревце хулигана, не пристыдит лодыря, не поможет соседке, у которой от старости давно выпадает тяпка из натруженных рук? Ведь умение отличить коленчатый вал

учебного трактора от распределительного вала или диски сцепления от шестерен коробки передач еще не зарождает в душе школьника-подростка чувства любви и уважения к земле, к своему земледельческому делу. Это обязаны воспитать в ребенке взрослые: родители, учителя, агрономы, бригадиры, звеньевые, колхозники, рабочие совхозов — все мы. Красочными чертежами тракторов в разрезе тут не обойдешься. Следовательно, пришла пора находить новые, самые разнообразные формы нравственного воспитания школьника — завтрашнего земледельца страны, мастерски овладевающего все более сложной техникой и к тому же одержимого любовью к обрабатываемому им полю.

Корреспондент.

Вы предлагаете прививать детям любовь к земле, учить любви, но как?

Закруткин.

Если бы можно было дать на этот счет какой-либо определенный рецепт, он, наверное, давно бы был дан. И не мной, а Академией педагогических наук. Но пока это по-прежнему насыщенная педагогическая задача. Впрочем, только ли педагогическая? Нравственные принципы, которые принимает или не принимает человек в момент своего духовного становления, формируются всей нашей жизнью. Так что задача эта прежде всего социальная. И тем не менее, в решении ее пример педагога, то есть фактически любого взрослого человека имеет огромное значение. Ведь дети смотрят на нас и вольно или невольно копируют наши слова, поступки...

Сегодня утром, когда мы ходили по станице, встретили группу малышей из детского сада. Не все они, когда вырастут, останутся в Кочетовской, но если у этих карапузов уже сейчас мы воспитаем любовь к старым вербам и стройным тополям, огородной грядке и виноградной лозе, ко всему живому, что нас окружает, то кем

бы они ни стали, эта любовь останется с ними на всю жизнь, и людьми они будут добрыми, нравственными. У нас почти каждую весну широко разливаются речные воды и до теплых дней затопляют поймы и поля. А когда паводок идет на убыль, на земле остаются тысячи и тысячи мальков, не сумевших спастись, беспомощно бьющихся в жидкой грязи. Рыбоохрана и ихтиологи района организовали и привлекли к спасению молоди «голубой патруль» — школьников старших и младших классов. Вы бы посмотрели, как заботливо собирают они эту мелкоту и переносят в воду, как плачут, если не всех удается спасти. Из этих ребят никогда не вырастет браконьер, хищник. Сформировалось истинно человеческое нравственное начало.

Но, к сожалению, бывают примеры и иного рода. Однажды зимой на глазах у таких же вот гулявших малюток трое вооруженных дядей застрелили собаку. Когда воспитательницы закричали, что это собака бабушки Устиньи — тихая Дамка, любимица ребят — застреливший спокойно ответил: «Наше дело уничтожать бродячих собак и получать по полтиннику за шкуру. Постановление читали?» Разговор услышали мальчишки-школьники. В станице не только все друг друга знают, но и чья каждая собака. И все-таки через несколько дней многие кочетовцы не досчитались своих собак. Нашлись подростки, последовавшие примеру заезжих дядей. А на полученные за убийство собак деньги они купили билетов в кино и пошли в клуб смотреть «Развод по-итальянски»...

Мы можем поставить перед молодым поколением самые что ни на есть благородные, красивые цели. И ставим. Но если при этом мы не научим юного человека «ориентироваться в пути», быть избирательным в средствах достижения этих целей, быть мужественным, чтобы противостоять бездуховности — мы немного преус-

Донское казачество всегда славилось своими богатыми праздничными традициями, самобытной музыкальной культурой

пеем. И здесь я хочу с горечью сказать еще об одном «воспитательном» парадоксе. Мы все время повышаем материальный уровень жизни труженников. Это верная и твердая политика партии и государства. Но ведь нередко жизненные ценности забываются в погоне за вещами. Возникает такое угодничество перед Господом вещью. И тогда теряется чувство меры: приобретение необходимого превращается в приобретательство, накопительство всего, что можно купить. Становится стыдно перед соседями не от того, что у тебя под окном лебеда, а от того, что у тебя нет цветного телевизора и машины. Так иной раз происходит подмена ценностей, и виноваты в этом мы — поведенники, не следующие своим законам, своим общественным идеалам. Молодежь наследует нам. И мы обязаны передать ей богатство, опыт, полученные от дедов и прадедов: любовь к земле и людям, живущим на ней, их традиции, культуру, которые тоже являются воспитателем и подчас более талантливым, чем некоторые наши педагоги, пусть даже с высшим образованием.

Корреспондент.

Донское казачество всегда славилось своими богатыми праздничными традициями, самобытной музыкальной культурой. Что это за традиции и живы ли они сегодня?

Закруткин.

Я поселился здесь в трудные послевоенные годы. И даже в то время, как только заканчивались полевые работы и наступали зимние холода, то в одном, то в другом доме собирались станичники. Поводы находились разные: дни рождения, свадьбы, крестины, проводы в армию. Хоть и трудно-вато жилось, а перед гостями кочетовцы лицом в грязь не ударяли. Выручала рыба. На стол подавалась в любом виде: и рыбец вяленый с каплями янтарного жира, и донская селедка своего засола, зажаренная на сковороде шемайка, и — гордость каждой хозяйки — здоровенный чебак (лещ), фаршированный кашей и запеченный в печке... И вот соберутся станичники, посидят за столом и начинают посматривать на гармониста. А он закинет истертый ремень гармошки на плечо, склонит чубатую голову, вслушиваясь в первый тихий аккорд... и польются старинные казачьи песни, протяжные и неторопливые, как родной Дон.

Сидишь рядом с каким-нибудь седоусым казачиной и не ожидаешь, что этот человек с грубым обветренным лицом вдруг затянет высоким звонким голосом:

Конь боевой с походным व्यюком
У церкви ржет, кого-то ждет...

И десятки мужских голосов и женских подхватят, поднимут старинную песню. Потом, вскинув опущенную голову, рванет, растянет гармонист мехи, ударит по клавишам всей пятерней... И вот уже срывается с места тот самый, седоусый, мой сосед, и мгновенно раздвигаются стулья, и громче становится перебор каблучков, а он, гордо подняв сивую голову, гоголем идет по горнице, пляшет так, что только посверкивают его отлично сшитые хромовые сапоги.

И в эту минуту такую гордость чувствуешь за своих земляков-кочетов-

цев! Сильные, крепкие люди. Много ими пережито, но они не согнулись, не пали духом, не опустили рук... Вот, склонив голову, тихо поет смуглая стройная женщина. Из-под темной косынки выбились поседевшие пряди волос. А голос ее, грудной, сильный, бередающий душу, властвует над всеми. Я знаю: муж этой женщины убит гитлеровцами. Она сама вырастила детей, вывела их на дорогу и продолжает работать не покладая рук...

У дверей горницы играет на скрипке невысокий человек с коротко подстриженными седыми усами. Старая скрипка, как живая, поет в его жилистых руках. Это Егор Иванович Калинин, постоянный мой спутник в охотничьих скитаниях, человек, влюбленный в землю, знающий, как самого себя, животных, птиц, травы. На войне донской казак Егор Калинин был снайпером, не одного гитлеровца отправил на тот свет. Как тяжкую память войны, носит он в своем теле десятки вражеских осколков. При разгроме одной из итальянских дивизий, Калинин нашел в истерзанном бункере разбитую скрипку.

Долго собирал ее обломки, зимними вечерами склеивал деки и с тех пор не расстается со скрипкой. Не зная ни одной ноты, он сразу подбирает любую напетую кем-нибудь мелодию, и, подчиняясь его воле, скрипка поет, плачет, смеется...

Рядом с Калининным сидит его тезка — Егор Иванович Самсонов, прославленный кочетовский кузнец, вчерашний казак-кавалерист, награжденный орденами и медалями. Не раз наблюдал я за работой Егора Ивановича в кузне и восхищался тем, каким послушным и мягким становится железо в его руках.

Сколько же талантливых, самородков-мастеров было в то время в станице. Архип Никанорович Упорников, например, замечательно вырезал по дереву. Или мастер-плотник Никита Иванович Шкодин. Колхоз, в котором он работал, был разграблен гитлеровцами, плотничьи инструменты, простенький токарный станок — в послевоенные годы неоткуда их было взять. И вот старый плотник собрал разные разбросанные по полям колеса, шестеренки, все, что попадалось под руку и сделал отличный токарный станок, которым пользовались все, кому нужно. А построенные им дома, сработанные его руками плотничьи инструменты — да им цены нет. И потому люди до сих пор вспоминают старого мастера добрым словом. Оба сына Никиты Ивановича, переняв от отца замечательное мастерство, стали плотниками высокого класса. Но что касается наследования песенного богатства отцов и прадедов, самобытных праздничных традиций, то тут, к сожалению, я не уверен, что молодежь примет и освоит их, и потому не хотел бы говорить на эту тему.

Когда я ехал в Кочетовскую, был настроен более оптимистично. Знал, что в Ростовской области регулярно проводятся праздники донского фольклора, существуют хоры, ансамбли, есть интересные, талантливые исполнители. А заключительный концерт областного фестиваля собрал в июне 1979 года в Рос-

тове 53 коллектива — 1 200 участников. Например, в станице Константиновской активно действует молодежный казачий хор, а в Романовской в хоре поют все: от 5 до 85 лет. Так что говорить об утрате традиций нет оснований. Да вот ведь что получается: в Кочетовской помнятся, конечно, традиции людьми старшего поколения, но молодежи не передаются. Я был на репетициях во Дворце культуры совхоза «Кочетовский». Милые женщины-вокалистки пели современные песни, звучавшие «под Аллу Пугачеву», и лажавшие на эстрадном помосте электрогитары, не сомневаюсь, могли с достаточной дозой профессионализма «врезать» экстраджазовую мелодику. И нет в этом ничего предосудительного. Современность обязана себя утверждать. Но вправде ли мы забывать об истоках?...

Ни телевизор, ни Алла Пугачева, ни первоклассный Дворец культуры, имеющий наисовременнейший интерьер, ни отличные помещения в нем для студийных занятий, ни новейшая радио- и электроаппаратура не заменят духа казацкой Донщины.

И тут не могу не вспомнить об одном замечании московской журналистки, много пишущей о культуре села: «Вся беда в том, что наши молодые культпросветработники, получив специальное образование и приехав на село, начинают учить народ «культуре», не дав себе труда самим учиться у народа тому, что им создавалось веками...»

Да, в Кочетовской начала работать детская музыкальная школа, приехали молодые, квалифицированные музыканты — это большое дело. А разве нельзя в Кочетовской создать донской казачий хор, каких немало в станицах области? Разве мальчикам и девочкам не интересно было бы послушать песни их дедов и прадедов, да и самим включить в распевную многоголосицу?...

Для Виталия Александровича проблема исследования культурных традиций кочетовской молодежи — «больная» проблема. Ведь невозможно представить себе завтрашний день станицы в броне технической мощи и... без песни, без дробного стука каблучков. Без освоения того нравственного опыта, который воплощен в народном искусстве. Его Кочетовская — это мир, который немислим без Егора Ивановича Калинина и его скрипки, без Архипа Никаноровича Упорникова и Никиты Шкодина и их искусства, без музыки старой и молодой. Его Кочетовская — его мир. Об этом говорит и сам писатель.

— Здесь, в Кочетовской, — говорит Виталий Александрович, — я прожил лучшую, зрелую, полную молчаливых раздумий часть своей жизни. Здесь уже 33-й год продолжаю жить и работать над тем, что мне дорого. Здесь, в этой станице, где покоится прах моих отца и матери, мне хотелось бы и завершить свою жизнь, чтобы до самого конца не расставаться с посаженными мною деревьями, с соловьиными песнями, с людьми, которые научили меня многому...

Все то доброе, хорошее, радостное, нужное людям, что свершено и свершается кочетовцами в своей затерянной среди трех рек станице, есть малая, может быть, незаметная частица того неизмеримо огромного, важного, что свершается в мире наша страна.

Беседу вел
наш спец. корр. О. Сирицын,
станция Кочетовская

На сцену выходят ДИЗАЙНЕРЫ

Занавес открылся, и на сцену Дома актера ВТО вышли дизайнеры.

Это было на вечере дебютов творческой молодежи, где каждый выход — концертный номер, так привыкла публика. И те, кто знаком с дизайном в его выставочном облике, недоумевали, с каким же «концертным номером» будут выступать молодые москвичи Е. Богданов, Л. Озерников, Л. Ентус и С. Черменский.

Тем не менее номер удался и украсил концерт.

— Мы хотим, — сказали они, — делать удобным и красивым быт людей, но этого мало. У дизайнера есть еще одна функция — «поведенческая». Это значит, организуя определенным образом окружающую среду, можно повлиять на поведение и настроение человека, заставить его свернуть с пути стереотипа, пережить отрадное обновление, задуматься о данной ему, но так редко им употребляемой власти над вещами, пространством, бытом.

В подтверждение этой мысли они рассказали и показали проект, названный «Бульварное кольцо»:

— В каждом городе есть любимое место, сложившееся исторически и географически. У нас в Москве есть наше знаменитое Бульварное кольцо — одна из главных магистралей, культурных артерий, обходящая центр города, служащая к тому же прекрасным парком. Но многие москвичи давно не бывают в центре, кроме как под землей, в метро. Бульварное кольцо кажется нам незаслуженно забытым. Привлечь к нему внимание москвичей — наша задача.

Что такое привлечь внимание? Проще всего, например, показать пальцем на что-то этого внимания достойное. И вот — решение самой простой задачи, маленькая подсказка: видоискатель. Это

З. ИБРАГИМОВА,
журналистка

простая (и пустая!) металлическая рамка, каркас, укрепленный на стояке, но поставленный в таком месте, что, если случайный прохожий заглянет в эту пустую рамку, он увидит... как раз то, что мы хотим ему показать! Прекрасный архитектурный ансамбль. Или просто угол старого дома с поэтичным деревом, роняющим красную листву. Решетку сквера. Памятник.

Но это частность. Главное же для нас было расставить вехи по всему кольцу так, чтобы оно заиграло, показало москвичам все самые интересные места, собрало в этих местах оживленные группы, заставило бы общаться с городом и друг с другом — празднично, удивленно (сначала) и привычно (потом). Нам кажется очень важным и аспект информационный. В таком огромном городе уличная информация растворяется сама в себе: ее так много, что ее не замечают. Но если москвичи будут знать, что есть одно, главное, традиционное место, где можно получить информацию, скажем, о литературных новостях, о выставках или любую другую, они будут туда наведываться. Можно прийти, например, к тому месту бульвара, где находится «Литературная газета» (здесь уместно кафе-клуб «13 стульев»). Или к Союзу художников. Или туда, где на Тверском бульваре сразу несколько театров. Реклама — наглядная или «живая», театрали-

зованная — станет притягательным центром, вокруг которого сложится своего рода зрительский клуб.

Дети — пожалуй, главные «жители» бульвара — будут знать, что здесь всегда их ждут веселые игры и непременно какая-нибудь новинка. Сюда, на бульвар, будут приезжать школьники с московских окраин — как в большой музей, как в парк и даже заповедник. Учитывая это, мы старались придумать все так, чтобы в этом естественном музее можно было обойтись без экскурсовода.

Дизайн должен также помочь во время ремонта, реконструкции зданий, выходящих на магистраль. Дома в лесах иной раз надолго портят вид, создают неуют, ощущение временности. Мы разработали специальные легкие конструкции, позволяющие камуфлировать и декорировать такие неприбранные здания...

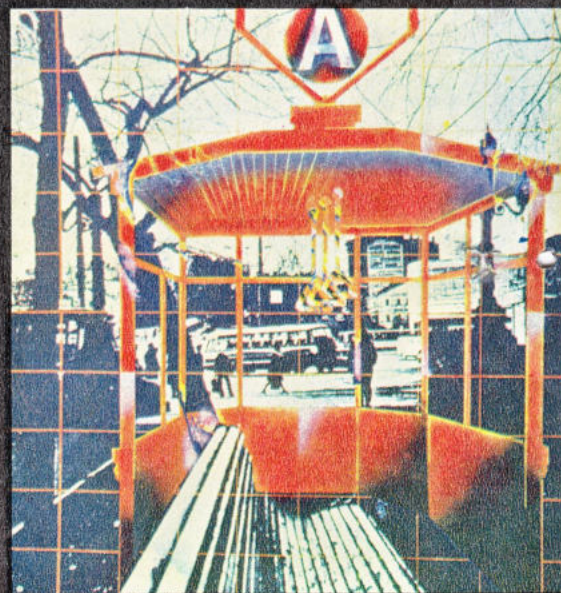
Рассказ был подробным, но лучше посмотрите следующую страницу, и, думаю, вы убедитесь: дизайн знает и непрерывно выдумывает все новые секреты, способы и средства придать предмету выразительность, заставить жить новые оттенки, привлечь к нему внимание. Это, несомненно, обогащает жизнь. Тем более, если это касается не просто вещи, а облика нашего города.

Ведь в его парках и скверах, на перекрестках, бульварах и площадях мы с вами бываем не только несущимися куда-то пешеходами и пассажирами, а еще и зрителями, собеседниками, гуляющими, отдыхающими — свободными от дел и забот. Проект, представленный вашему вниманию в нескольких слайдах, мог бы стать интересным примером — почему бы и не для подражания? — примером современного решения «городского интерьера» как среды, обогащающей и разнообразяющей наш досуг.

Итак, пусть на сцену выходят дизайнеры!

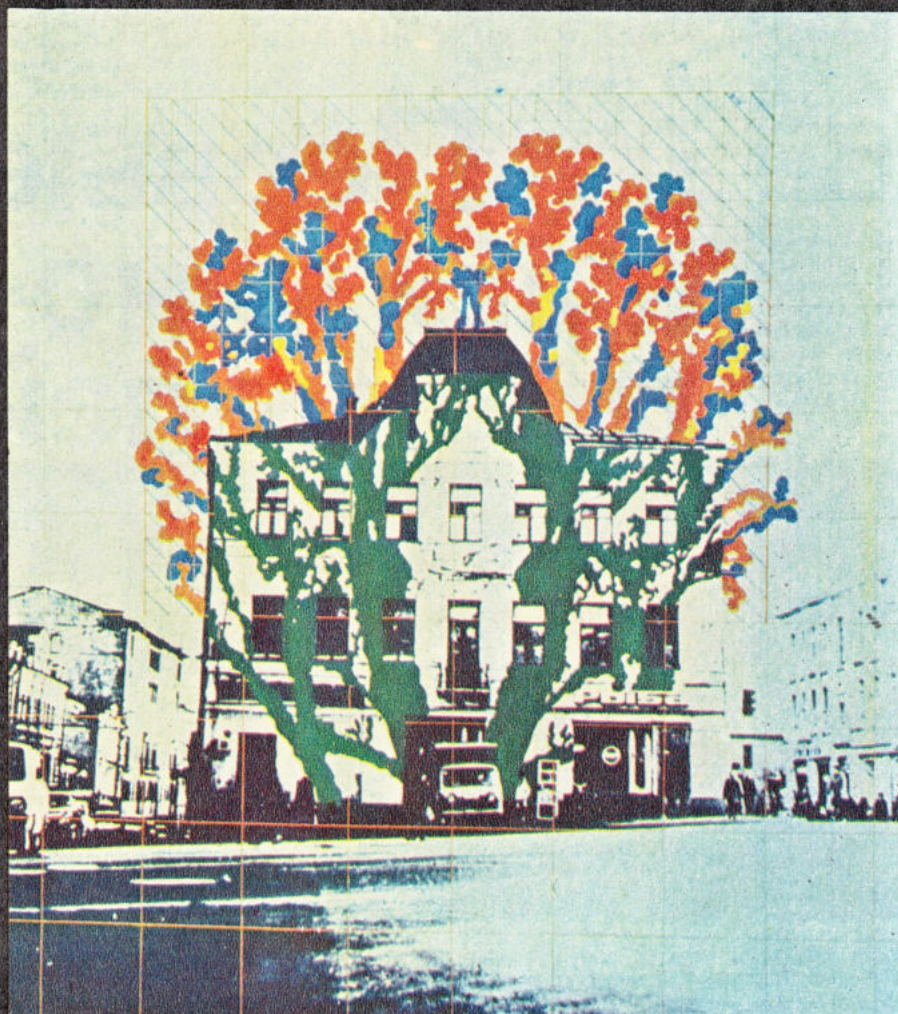
Дизайн подсказывает... Больше, всего в дизайне, пожалуй, подкупает именно эта «подсказывающая» способность. Например, эти кубики. Они, разумеется, из легких материалов, но, как вы видите, большого размера. Значит, сооружение из них получится не игрушечное, а вполне функциональное, «взаправдашнее». Дом, в котором можно жить самому, а не только куклам; или «временная мебель» для отдыха в дружной компании. Несомненно, что «игра» в эти блоки может послужить и «школой» организации пространства, толчком к изобретению, к рационализации бытовой среды.

Кинотеатр «Россия» представляется дизайнерам главной точкой Бульварного кольца, его вершиной. Здесь кольцо пересекается с улицей Горького, здесь «Известия», АПН, здесь памятник Пушкину, здесь всегда людской водоворот, деловитый и праздничный одновременно, приподнятое настроение, современные ритмы, разноязычный говор. Характер этого места можно усилить, подчеркнуть рекламой, информацией. Реклама кино, например, может быть не только традиционная, щитовая. Почему бы, скажем, не заставить «заговорить» воздушное пространство над крышей кинотеатра? Устроить рекламу объемную, с необычными, иногда надувными деталями, которые играют на ветру, являясь не простой картинкой, но как бы частью окружающей среды.

Незабвенная «Аннушка», трамвай, возивший москвичей через Трубную площадь! Своеобразным памятником становится беседка-вагон, в которой смогут отдохнуть старожилы, прогуливаясь по бульвару; для молодых же это, несомненно, музейный экспонат.

Бульвар пересечен оживленной магистралью или домом, и кажется, что он кончился; показать, что кольцо не разомкнулось в этом месте, что оно продолжается, и пригласить идти дальше может какая-нибудь вежа, указатель... Например, вот это огромное бутафорское дерево. Этот знак бульвара органично впишется в городской пейзаж и, по-видимому, сможет менять «сезонную» одежду, напоминая этим, что со сменой времен года надо бы «переодеваться» и городу.

Бульвар — это к тому же и большой парк, а парк немислим без аттракционов. То, что здесь изображено, дизайнеры задумали как безопасный и приятный перелет по специальному обзорному маршруту, чтобы взглянуть на бульвары с воздуха.

Это тоже своего рода музей. Музей — накопитель разновременной бульварной «мебели», светильников... Ведь мы живем, не замечая постепенной смены стилей, моды, по законам которой меняется не только наша одежда, но и одежда наших улиц. Напомнить о прошлом, дать возможность помолодеть — давно забытые вещи обладают этим волшебным свойством, как ничто другое.

Первые шаги кинолюбителей

Три года тому назад я взялся за организацию любительской киностудии в Доме культуры Сегежского целлюлозно-бумажного комбината при содействии бывших директоров предприятия и Дома культуры. Начинали все, как говорится, с нуля. А сейчас у нас уже два любительских коллектива: пионерская киностудия «Факел» и студия для взрослых «Селена». На одной мы сняли 6 фильмов (пленка 8 мм), на другой — 8 (пленка 16 мм). Пока, правда, нельзя говорить о достаточно высоком художественном и техническом уровне съемки. Причин тому несколько. Во-первых, оба коллектива существуют не так давно, и студии только осваивают технические средства. Во-вторых, условия работы оставляют желать лучшего: предоставленное нам помещение постоянно ремонтируется. Но в целом преград для творческого роста кинолюбителей я не вижу.

В комплексе студии две лаборатории: ручной обработки пленки (они же фотолаборатории), тонмейстерская (она же лаборантская и проекционная), тонзал (он же монтажная). У нас есть мультстанок и звукорежиссерский пульт. Казалось бы, все в порядке. Но я опасюсь, что кинолюбители могут принять средства за цель, увлечься самим техническим процессом создания фильмов, сделать его самоцелью занятий в любительской студии.

В методическом клубе-лаборатории мне сообщили, что киностудии, не являющиеся народными коллективами, могут выпустить один фильм в год. Но его в силах сделать, самое большее, три человека, располагая даже самыми простыми техническими средствами. Чем же заниматься остальным участникам студии? Хотелось бы познакомиться поближе с опытом работы любительских студий других городов и областей страны. Пожа-

луйста, сообщите адреса таких студий и посоветуйте, как мне добиться от своих руководителей командировки в эти студии.

Второй вопрос касается правил оплаты работы руководителя любительской киностудии.

Оплата моей работы ведется по таблице, в котором учитываются виды работ, отраженные в журнале: практикум по технологии кино- и фотодела, учебные занятия, съемки, репетиции, лабораторные дни. Но, по существу, приходится выполнять и много другой работы: готовить растворы, материалы и аппаратуру к занятиям, обрабатывать большое количество материала, согласовывать время и место съемок, демонстраций фильмов. Мы также ремонтируем и совершенствуем кино- и фотоаппаратуру. Кроме этой «технической стороны» дела, много времени занимает переложение сценариев на технологические листы, подборка материала для первичных фонограмм и создание фонотеки. Не менее важна и организационная подготовка к выставкам, просмотрам.

Прошу ответить и на такой вопрос. Обязаны ли юридически руководители кружков дежурить на танцевальных вечерах, проводимых в Доме культуры два-три раза в неделю (я имею в виду не большие праздничные массовые мероприятия, а обыкновенные танцы)?

Есть ли какие-нибудь положения о любительских кино- и фотостудиях, в которых можно получить ответы на волнующие меня вопросы?

А. С. Ларин,
руководитель любительской киностудии Дома культуры Сегежского целлюлозно-бумажного комбината Карельская АССР

На письмо отвечает председатель Центрального совета по кино ВЦСПС П. Ф. Федосов.

Автор письма ставит вопросы, касающиеся направлений работы любительских киностудий. Думается, они интересуют многих участников и организаторов киносамодельности. Поэтому стоит поговорить о них более подробно.

Основные формы и объем работы любительской киностудии, задачи ее руководителя определены в ряде документов: постановлении Президиума ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию киносамодельности среди рабочих и служащих» от 14 сентября 1973 года (протокол № 18, п. 5), постановлении Секретариата ВЦСПС и коллегии Министерства культуры СССР «О положении о народных самодеятельных коллективах» от 15 сентября 1978 года (№ 24—10).

В соответствии с этими документами в клубах, Домах и Дворцах культуры создаются самодеятельные киностудии (кинокружки) и устанавливается оплачиваемая должность руководителя, если в них занимаются постоянно более 10 человек. Количество создаваемых кинолент не регламентируется и зависит практически от опыта киноколлектива, задач, которые он ставит перед собой, технической оснащенности киностудии.

Конечно же, работа коллектива кинолюбителей не должна исчерпываться освоением технической стороны дела. Начинающему кинолюбителю может показаться, что фильм снять совсем просто — научись владеть кинокамерой, проявлять пленку, склеивать киноленту, и все будет в порядке. На самом же деле, если ставить цель создавать фильмы на должном идейно-художественном уровне, прежде чем приступать к съемкам, нужно иметь представление о том, в чем специфика документального и других видов кино, знать историю их развития, овладеть основами общей культуры, освоить киномастерство. По таким направлениям и должна строиться учебно-воспитательная работа в коллективе кинолюбителей.

Важная сторона деятельности любительской киностудии — организация общественных просмотров кинолент, их обсуждение прежде всего в тех трудовых коллективах, где они снимаются. Это приносит пользу и зрителям, и кинолюбителям.

А время, затрачиваемое на учебно-воспитательную и организационную работу, наряду с практическими занятиями, а также сбором и изучением материала, написанием сценария, подготовкой аппаратуры, других технических средств для киносъемок учитывается при составлении таблицы оплаты работы руководителя любительской киностудии.

Но, конечно же, для того чтобы успешно справиться с задачами, стоящими перед самодеятельным коллективом, руководителю необходима и помощь консультантов-общественников. При студиях создаются художественные советы, в которые входят представители общественных организаций, деятели искусства, опытные кинолюбители. Художественный совет участвует в подготовке творческих планов киноколлектива, обсуждении киносценариев и созданных по плану студии новых фильмов, поддерживает контакты с работниками кино, театра, телевидения, радио, печати, которые могут оказать творческую, методическую помощь любительскому коллективу.

Если коллектив любительской киностудии большой, то при занятиях и съемках фильмов можно разделить его участников на небольшие группы, секции в зависимости от опыта работы и интересов кинолюбителей. В такой группе легче распределить обязанности при создании того или иного фильма, определить основную задачу учебно-воспитательной и общественной работы на тот или иной период времени исходя из планов студии в целом.

Отдельные секции и весь коллектив должны привлекать к работе в любительской студии новых участников, особенно из числа рабочих, колхозников, служащих, инженерно-технических работников, учащейся молодежи. Старшие, более опытные кинолюбители должны помогать начинающим наряду с той работой, которую ведет с ними руководитель киностудии.

Для оказания организационно-методической, творческой и технической помощи студиям кинолюбителей и отдельным авторам при советах профсоюзов созданы клубы-лаборатории кинолюбителей. Такой киноклуб действует и при Карельском областном совете профсоюзов. Здесь регулярно проводятся учебные семинары руководителей киноколлективов, на которых ведут занятия местные профессиональные киноработники. На отдельные семинары совет профсоюзов приглашает творческих работников центральных киностудий, имеющих большой опыт работы с кинолюбителями. Они проводят консультации по вопросам киномастерства. На семинарах проходит также обмен опытом работы самодеятельных киностудий. Считаем это хорошей школой для руководителей киносамодеятельности. В отдельных случаях в соответствии с постановлением Президиума ВЦСПС и коллегии Министерства культуры СССР «О дальнейшем развитии художественной самодеятельности трудящихся» от 30 января 1974 года (протокол № 2, п. 3) советы профсоюзов по взаимной договоренности могут приглашать к себе и направлять за пределы области, края, республики коллективы самодеятельного искусства. Такие контакты желательно осуществлять между соседними областями, краями, республиками.

Отвечая на вопрос т. Ларина о порядке оплаты работы руководителя самодеятельного кинокружка, ссылаюсь на Инструкцию о порядке исчисления заработной платы работников культурно-просветительных учреждений, утвержденную Министерством культуры СССР по согласованию с ВЦСПС.

Должностные оклады руководителям самодеятельных киностудий (кинокружков) устанавливаются за 3 часа кружковой работы в день. В тех случаях, когда им поручается кружковая работа сверх установленного рабочего времени, оплата за переработанные часы производится по часовым ставкам в одинарном размере. Расчет почасовой оплаты производится путем деления месячного должностного оклада руководителя киноколлектива на 76,2 часа (среднемесячное количество рабочих дней — 25,4, умноженное на 3 часа).

В прямые обязанности руководителей кружков не входит дежурство во время проведения танцевальных вечеров. Однако это может быть их общественной работой.

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Где искать ориентир?..

Е. БЕРЕЗИНА,
наш спец. корр.

Почти два года прошло с того времени, когда ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества», ставшее программным документом и практическим руководством для совершенствования и нового подъема любительского искусства, роста массовости и мастерства всех видов и жанров самодеятельного художественного творчества. Особое внимание в постановлении обращалось на необходимость эффективно использовать имеющиеся условия для вовлечения в художественную самодеятельность широких масс трудящихся, умело подбирать и воспитывать руководителей кружков. Как решаются эти проблемы в Калужской области? Об этом рассказ нашего корреспондента Е. Березиной.

Говорят, статистика знает все. Но в городе Людинове Калужской области мне показалось, что местные краеведы и знатоки родного края знают еще больше. Они сообщают вам данные о том, что 60 лет назад в заводском селе Людиново было 1 000 дворов, 8 000 жителей, 2 церкви да 20 лавок, а сегодня в городе Людиново — несколько фабрик, 5 крупных заводов, музыкальная, спортивная, художественная школы... А от себя не без гордости добавляют: «И даже школа искусств». В Калуге пока такой нет. А в Людиново есть! Они подскажут вам номер тома и страницу полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, где великий писатель в письме к жене описывает свое посещение чугунолитейного завода. Впрочем, чтобы не утруждать вас поисками, краеведы могут процитировать эти строки наизусть: «Ночью в Людиново. Весь вечер ходил по заводу, где льют чугун и делают железо. Страшная работа и необходимейшая».

Сукремль — один из микрорайонов нового Людиново. Современные пятиэтажки мирно соседствуют с частным сектором: огородами, палисадниками, крылечками в затейливых завитушках. Под окнами школы искусств бродят куры, и мальчишки с нотными папками гоняют щепку, будто футбольный мяч.

А по тротуарам идут рабочие. Вторая смена Сукремльского чугунолитейного спешит на завод. Сейчас это крупное промышленное предприятие, продукция которого идет во все концы нашей страны и за границу.

Клуб чугунолитейного завода — единственный культурный очаг в Сукремле — микрорайоне, где проживает около 8 000 человек.

Знатоки истории города вспоминают: когда-то на сцене этого клуба под мощные аккорды старинного фортепиано звучала опера. Самодеятельные артисты — члены вокальной оперной студии — «давали» «Князя Игора» Бородину.

И не единою оперой был знаменит клуб. Каждый выходной здесь шел спектакль. То танцевальный коллектив вечер хореографических миниатюр показывал, то драмкружок — лирическую комедию, то вокальная студия — оперу.

Оказывается, своеобразным театром народного творчества был клуб Сукремльского чугунолитейного завода еще совсем недавно, в 50—60-е годы. Был... Да и сейчас на двери его не висит замок. Здание недавно отремонтировано. И коллективы работают: народного танца, народного хора, эстрадный и духовой оркестры. И в первом Всесоюзном фестивале самодеятельного художественного творчества участвовали чугунолитейщики. И на смотрах художественной самодеятельности работников строительства и промстройматериалов тоже выступают.

Но... рядом с яркой, привлекающей внимание рекламой новой кинокомедии что-то не видно афиш, извещающих о концерте участников клубной самодеятельности. Не удивительно, что в микрорайоне их, по существу, не знают. И, думаю, заводчане правы: участие в конкурсных концертах среди коллективов отрасли — дело похвальное, но для кого же в первую очередь готовится новая программа, как не для своей, клубной сцены, не для родной заводской аудитории?

К сожалению, сукремльцы видят «своих» танцоров, слышат «своих» певцов только по большим праздникам. То есть раза два-три в год. Не в этом ли причина непопулярности клуба у молодежи, стойкого недобора во взрослые коллективы художественной самодеятельности? Цифры говорят сами за себя: из 2 000 работающих на Сукремльском чугунолитейном заводе постоянно участвуют в клубной самодеятельности менее ста человек.

Каждую осень ходит директор клуба вместе с председателем завкома проф-

союза по цехам и спрашивает рабочих: «Приходите... Ждем... У нас интересно». А те лишь плечами пожимают да отговариваются. Кто ссылается на безалаберность полную, кто — на усталость великую. Кто занят подсобным хозяйством... Кое-кто в качестве контраргумента и ревнивую жену вспомнит. Мол, какая там самодеятельность, когда у человека семья. Несолидно, неловко даже — отец семейства в хоре будет петь. Нет уж, мы свое отпели.

И разводит руками директор клуба: неосознательный народ, ничем их не проймешь. А развея, идет по знакомой дорожке прямо в электроцех к начальнику Лукашова Владимиру Андреевичу, а от него в паросиловую — к Серову Николаю Валерьевичу. Собственно, вся клубная самодеятельность на этих двух цехах только и держится. Если в среднем по заводу, в двенадцати его подразделениях, лишь каждый двадцатый — участник художественной самодеятельности, то у мотористов электроцеха и слесарей паросилового — каждый третий.

Конечно, и условия труда в этих цехах несколько иные, чем, например, в соседнем, фасонолитейном. И автоматики больше, и шума-грохота, от которого у литейщиков после рабочего дня голова разламывается, нет. И устают паросиловики и электрики, соответственно, меньше.

Но только ли в этом дело? У тех же литейщиков, к которым с художественной самодеятельностью и не подступись, работа — сменная. Отработал свои шесть часов и — свободен.

А мотористы электроцеха и паросилового дежурят сутками. Друг друга почти и не видят. Казалось бы, какой там может быть коллектив. Но коллектив тем не менее есть. Если вдруг понадобится собрать ребят с какого-то участка на воскресник ли, на собрание, на выезд в подшефный совхоз, даже и в выходной

соберутся. Потому что и цеховая администрация, и партийная, и комсомольская организации делают все возможное, чтобы и при неудобном графике сплотить коллектив.

И очень помогает им в этом художественная самодеятельность. Так уж удачно сложилось, что начальник электроцеха Лукашов и начальник паросилового Серов петь любят с детства, в клубном хоре солируют. Зная на собственном опыте, как трудно после бессонной ночи идти на спевку, репетицию, они стараются создать рабочим — участникам коллективов художественной самодеятельности соответствующие условия. Перед ответственным выступлением, например, могут и в другую, более удобную смену перевести. И путевку в детский сад-ясли для ребенка участника самодеятельности в первую очередь предоставят, хотя с детскими учреждениями на заводе пока еще сложно. К тому же Владимир Андреевич и Николай Валерьевич — умелые пропагандисты хорового искусства. Их авторитет, сила и заразительность личного примера не одного моториста, не одну нормировщицу сделали ревностными приверженцами любительской сцены. Уже одно то, что они, руководители производства, люди, предельно загруженные, семейные, без уважительной причины ни репетиции, ни спевки не пропустят, и подчиненных дисциплинирует, заставляет серьезнее относиться к такому явлению, как любительское искусство.

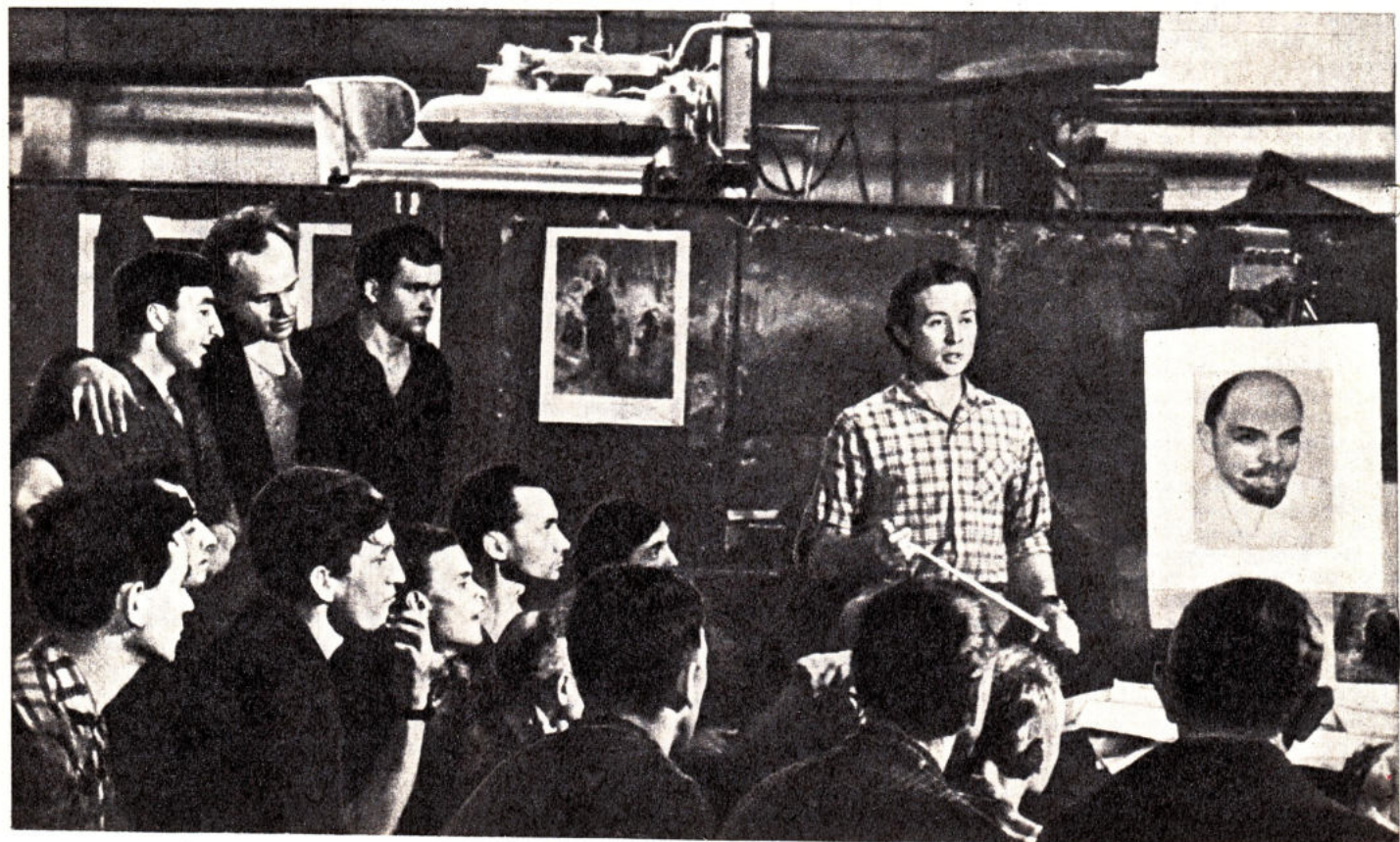
Поэтому-то и не приходится директору клуба СЧЗ В. А. Яковлевой, несмотря на суточные дежурства хористов и танцоров из электроцеха, сетовать на их недобросовестность, несобранность. Напротив, репетиции и концерты приучают людей ценить время, внутренне мобилизуют.

И другая сторона медали. На долю электроцеха и паросилового на чугуно-

литейном приходится всего два прогула за год, ни одного случая правонарушений. Это ли не показатель успехов всеобщего, в том числе и эстетического, воспитания рабочих цеха?

Но, хотя в завкоме профсоюза понимают, сколь велика и бесценна воспитательная функция самодеятельности, хотя вопрос о создании не только клубных, но и цеховых хоров и ансамблей непременно поднимается на всех совещаниях и заседаниях, за 10 лет дело не продвинулось ни на йоту. И это при полной обеспеченности красных уголков репетиционными помещениями, музыкальными инструментами, костюмами и реквизитом. Причина, как считает председатель завкома СЧЗ Александр Афанасьевич Мишакин, одна: нет художественных руководителей, баянистов, аккомпаниаторов. Не могут три профессионала, помимо занятий и репетиций в клубе (а каждый из них ведет еще и детские коллективы), «обслужить» 12 подразделений чугунолитейного. В результате уже 10 лет не проводятся на Сукремльском чугунолитейном смотры художественного творчества цехов и отделов. А методическая помощь клубников ограничивается... оформлением наглядной агитации. И висят в десяти красных уголках предприятия эскизы и стенды, и стоят телевизоры и радиолы, мирно спят в сундуках баяны и фотоаппараты, бездействуют и рассыхаются пианино.

Так как же решить эту сложную задачу? Как добиться того, чтобы уровень цеховой самодеятельности, подобно лакумусовой бумажке, стал своеобразным показателем эффективности работы заводского клуба? Ответы на все эти вопросы можно получить в самом Людинове, например, у тепловозостроителей. Людиновский тепловозостроительный завод с не менее солидным, чем у чугунолитейного, трудовым стажем — 235 лет, с не менее славным творческим

прошлым (еще в 1959 году присвоили драмкружку тепловозостроителей звание народного театра), но с гораздо более благополучным настоящим.

Самодетельность во Дворце культуры ЛТЗ — сильная. И цеховая самодетельность, как отражение клубной, на тепловозостроительном яркая, самобытная. В каждом из 26 заводских цехов — свой ВИА. В каждом из 35 отделов — постоянно действующий самодетельный коллектив. В отделе главного технолога — танцевальный ансамбль. В отделе главного конструктора — струнный оркестр. В АСУ — вокальная группа. Словом, у каждого отдела на свое лицо. Помимо производственной, есть у отделов и другая специфика: жанровая.

На этом заводе участвовать в художественной самодетельности почетно. 35 плюс 26 равно 61. Где же набрать такую армию специалистов? Руководителей общественных цеховой самодетельности готовят из числа постоянных участников клубных коллективов: академического хора, танцевального ансамбля, народного театра.

Инженер-конструктор Владимир Михайлович Доронин — один из ветеранов клубной самодетельности. Больше 30 лет выступает он в ансамбле народного танца. И стаж руководителя-общественника у него немалый — 15 лет. Его ученицы техник-экономист Валентина Исаева и инженер Людмила Антипова уже сами руководят самодетельностью своих отделов. В ансамбле народного танца, так же как и в академическом хоре Дворца культуры ЛТЗ, руководство цеховой самодетельностью по традиции переходит от старших к младшим, от учителя к ученику.

Но хормейстерам — общественникам бригадиру рамно-кузовного цеха Алексею Максиму, слесарю-сборщику Сергею Яшкину, технологу Галине Подкопаевой и другим легче. Дважды в год межсоюзный Дом самодетельного творчества приглашает их в Калугу на специальный недельный семинар, где общественники могут посоветоваться с опытными консультантами, получить необходимую методическую помощь, литературу, ноты, договориться с Домом быта о пошиве костюмов к очередному смотру. А вот хореографов уже несколько лет не собирали. Хорошо, что им помогает заводской Дворец культуры.

Тесная связь коллективов художественной самодетельности Дворца культуры с отделами и цехами взаимовыгодна обеим сторонам. Участники любительских коллективов Дворца организуют занятия в цехах, а активисты цеховой самодетельности участвуют в концертных программах Дворца. Самые способные на долгие годы связывают свой досуг с волшебным миром сцены.

Ну, а остальные? Оправдано ли стремление завкома профсоюза ЛТЗ и администрации завода к тому, чтобы через цеховую самодетельность прошел каждый рабочий цеха, каждый инженер отдела, каждая табельщица из секретариата? Думаю, оправдано. И дело здесь не в галочке для отчета и даже не в том, какое место займут тепловозостроители на областном смотре. Постоянно действующая цеховая самодетельность сплачивает коллектив, помогает узнать новое о товарище по цеху («Да он, оказывается, рисует, а боялся признаться...»), выявляет качества характера, о которых никто не знал. Коллектив, сцена прида-

ют человеку импульс активности, веру в свои силы. Робкий становится раскованным, застенчивый — смелым. Каждый открывает в себе что-то такое, чем стоит поделиться с людьми.

...10 лет назад девятнадцатилетняя Света Трандина робко переступила порог тепловозоборочного цеха. Робко, потому что чувствовала себя и в цехе, и в городе чужаком и с грустью вспоминала старинную Бежицу, — зеленый городок на Брянщине. Девушка из Бежицы вышла замуж за студента индустриального техникума и переехала на его родину — в Людиново. Тихая, старательная, она быстро овладевала профессией электромонтажницы, но держалась замкнуто, настороженно. Да и забот прибавилось: родилась дочка.

Комсомольцы тепловозоборочного готовились тогда к общезаводскому смотру художественной самодетельности. Случайно услышали, как Света поет, и, не принимая возражений, предложили солировать. Вот тут-то и выяснилось, что она на все руки мастер: и спеть, и станцевать, и программу вести, и оригинальное решение номера предложить. И за дело душой болеет. Если кто репетиции пропускал, до слез расстраивалась. Выбрали ее в комсомольское бюро цеха.

Сейчас Светлана — бессменный группкомсорг электроучастка. Недавно в ее жизни произошло значительное событие: ее приняли в ряды Коммунистической партии.

«И всего бы этого не было... без самодетельности», — улыбается Светлана Григорьевна Трандина, которой участие в цеховой самодетельности помогло стать своим человеком в цехе, на заводе, в городе.

Ее судьба типична. В комитете комсомола, в завкоме профсоюза, в партийном комитете Людиновского тепловозостроительного мне называли имена и даже целые семейные династии, для которых завод стал родным домом. И кто знает, если бы не цеховая, не клубная самодетельность, сложилась бы на заводе та творческая, теплая атмосфера, которая помогает людям работать, жить полноценной жизнью в трудовом коллективе!

Прощаясь, я спросила у директора Людиновского тепловозостроительного Игоря Владимировича Никифорова, каковы цифры нарушения трудовой дисциплины. И поразилась. На Сукремльском чугунолитейном за год было допущено 1 000 целносовых прогулов, совершенно 200 правонарушений. На ЛТЗ за тот же срок прогулов — 288, правонарушений — 25. А работает на тепловозостроительном 9 000 человек. Это в четыре с половиной раза больше, чем на чугунолитейном. И еще. Участников художественной самодетельности среди нарушителей трудовой дисциплины на ЛТЗ не оказалось.

...Два завода. Сходные условия труда, примерно одинаковая материальная база для развития самодетельного творчества. И у того и у другого завода — клуб, штат в котором пропорционален количеству работающих на заводе. И завкомы профсоюзов того и другого предприятия имеют возможности помогать клубникам — организовать людей, поощрять их путевками, экскурсиями.

И все-таки, как говорится, при прочих равных условиях... чугунолитейщики

бочих в самодетельные коллективы, как провести хотя бы один смотр художественного творчества цехов, а людиновцы организуют их ежегодно. И участвуют в них все без исключения цехи и отделы, независимо от профиля работы. Они собирают огромную зрительскую аудиторию. Но готовятся к ним долго и тщательно.

А главная причина неудач чугунолитейщиков, на мой взгляд, в том, что не осознавали еще в заводском клубе, какая великая сила — общественники, руководители цеховой самодетельности, не научились их готовить в своих клубных коллективах. Но пока не удастся завкому профсоюза СЧЗ активизировать работу своего клуба в этом направлении, перестроить ее на современный лад, до тех пор вопрос о создании цеховых хоров и ансамблей так и останется открытым.

Но как же в этом случае быть предприятиям, не имеющим своего клуба (а таких в Людинове большинство)? Кто же должен руководить их цеховой самодетельностью?

Возьмем для примера агрегатный завод — молодой, перспективный и в полном смысле слова молодежный. Треть работающих на нем — больше тысячи человек — комсомольцы. Если учить запрограммированный рост заводских мощностей, через несколько лет число юных агрегатчиков увеличится, по крайней мере, вдвое. Строительство клуба на этом заводе в ближайшей пятилетке не запланировано. Но условия для организации цеховой самодетельности тем не менее здесь есть.

Постановлением Президиума ВЦСПС и коллегии Министерства культуры СССР «О дальнейшем развитии художественной самодетельности трудящихся» от 30 января 1974 года разрешено советам профсоюзов «устанавливать штатные должности руководителей, аккомпаниаторов кружков художественной самодетельности на предприятиях и стройках, не имеющих клубных учреждений».

После его публикации на предприятиях и стройках Калужской области введены 84 штатные единицы руководителей цеховой самодетельности.

Благодаря постановлению и людиновские агрегатчики, не имеющие пока собственного клуба, получили возможность заниматься художественным творчеством, принимать участие в районных и отраслевых смотрах и праздниках. Но создается впечатление, что завком профсоюза агрегатного завода и не собирается использовать эту возможность. Цеховой самодетельности там практически нет, за исключением двух-трех молодежных ВИА, которые обходятся без штатных руководителей.

Можно понять администрацию завода, решающую в первую очередь производственные задачи, исходящие из нужд развивающегося крупномасштабного предприятия. Но не получится ли так, что, когда клуб все же будет построен, никто из агрегатчиков, привыкших к ритму «работа — дом, дом — работа», туда не придет?

Для того, чтобы молодые пошли в клуб, необходимо уже сейчас пригласить штатных руководителей цеховой самодетельности и помочь им досконально узнать своих подопечных и с человеческой, и с организаторской стороны.

Чтобы было потом с чем и с кем прийти в новый клуб и сделать его своим

А. КИБКАЛО,
наш спец. корр.

Пролог

— Я четыре года тут работаю. Разумеется, и до меня в общежитиях велась работа, и немалая. Но понимаете ли, — директор закурил и помахал рукой, гася спичку, — системы не было, системы! Ну провел мероприятие, другое провел, вечер, концерт, встречу... А потом целый месяц — ничего. Мы покончили с этим делом. Вы, должно быть, бывали в профсоюзных Дворцах? Так часто ли видели, чтобы была ставка инструктора-методиста по культмассовой работе в общежитиях? Я долго бился, но добился ее. Это начало всего, без этого успеха не может быть. Кроме того, конечно, нужен тесный контакт с общественными организациями предприятия. Мы его наладили. Встречаемся постоянно. Если какое-либо плановое мероприятие я по какой-то причине завалял, знаете, как неприятно краснеть перед двумя десятками людей, начальством? Потом в лепешку разобьешься, все сделаешь, но чтобы такого не было.

Директор распрямился в кресле, повел плечами, разминаясь. Мы долго разговаривали, больше часа, а директор во Дворце с утра. Но он и сам почувствовал, что пришел черед заключительной фразы.

— А формы работы самые различные. Циклы кино вечеров проводим, конкурсы «Амурского вечера» по типу телевизион-

ных делаем. Вечера союзных и автономных республик — к ним девочки (у нас в общежитиях одни девочки живут: текстильное производство, сами понимаете) готовили свои национальные танцы, песни. За каждым общежитием музыкальный работник закреплен... Нет, они у нас не скучают, материал вы соберете.

После разговора в теплом кабинете директора Дворца культуры Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината И. И. Баженова я вышел на улицу. Было очень холодно и сыро. Темно-серое осеннее небо заметно чернело. Хлопала дверь магазина, тусклая лампочка зажглась над ней. Грузовик, отъезжая, разворотил грязь на обочине.

В такое время, в такую погоду, я знаю, приятно забраться в кресло в теплом углу, включить торшер, взять книгу — какой-нибудь великий роман XIX века — и читать, изредка поглядывая в окно, в серую мглу, на стекающие по стеклу капли...

... Общежития, как мне сказали, находятся рядом с Дворцом культуры, и идти мне пришлось недолго — вскоре я увидел длинное здание бледно-розового цвета, над входом в которое висела доска с надписью: «Общежитие профессионально-технического училища Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината им. Николаева».

— Что вы, работа ведется, ведется, — Татьяна Константиновна Щеникова, вос-

питатель общежития, берет со стола пухлую книгу. — Вот, смотрите: что ни день, то мероприятие! Походы, лекции; библиотека Дворца устраивает беседы о литературе, о прекрасном. Баянист приходит, девочки поют с ним...

Я листаю книгу. Действительно, почти через каждые три дня запись — уверенным крупным женским почерком. А рядом с записью наклеены картинки, соответствующие смыслу записи, скажем, праздник цветов — открытка с яркими флоксами, беседа о здоровье — улыбающаяся светловолосая девушка на фоне синего неба. Жизнерадостный журнал!

Загадочные цифры

... Какие длинные черные лестницы! Они ведут вверх не так, как в современных блочных домах — поднялся по одной, нужно поворачиваться, чтобы пойти по ступенькам другой. Нет. Эти идут одна за одной, и оттого возникает чувство какой-то приподнятости: вспоминается парадная лестница твоего института или школы, какое-нибудь торжественное событие — выпуск, зачисление, посвящение... Коридоры огромные, чисто выбеленные и выкрашенные, на полу линолеум, чувствуется тот приятный домашний запах, какой может идти только от свежего линолеума. На дверях номера — 6, 8... За дверями маленький коридорчик, вдоль него три отдельных

комнаты, в конце — закуток, там диванчик и несколько стульев. Все это с коридорчиком называется квартирой, тут живут 13—14 девушек. Здесь так и говорят: «Лена из 11-й квартиры», «Амират из 7-й».

Вот ведь как здорово все сделано: своя квартира, телевизор, свои сверстницы, подружки рядом... Я представляю: утром все с визгом, размахивая полотенцами, бегут к умывальникам, вечером — в душ, а потом к телевизору, и разговоры, вечные девичьи секреты... Живи, радуйся!

— Почему вы решили приехать учиться именно сюда?

«19-я квартира», тесно усевшись на диванчике, все время толкаясь, хихикает: «Личное, считайте, что личное...» Нет, не горюют, ничего. Они ведь вместе. Говорят с улыбкой: «Личное...» Но что стоит за этим «личным»? Их личное — это то, что многие из них выросли, как сказали мне, в детских домах, интернатах, и то, что у многих нет родителей... Некоторые девушки говорили, что приехали просто «посмотреть Москву»... Причины разные. Но нет сомнения, что общим для них всех было одно: они приехали сюда, полные надежд. Они надеялись найти здесь себя, свое счастье.

— Нас всего 57 приехало из Дагестана, — говорит Мамина Адамова. — В первые же дни 45 девочек уехали обратно. — ???

— Да чего вы удивляетесь, спросите в любой квартире, сколько приехало, сколько уехало.

В 9-й квартире сказали: приехало с Украины и Урала 13 человек, осталось трое; в 10-й Таня Кузнецова говорит: «Из десяти человек шестеро уехали...»

Однако в учебной части училища и в отделе кадров комбината, где девушки становятся на учет, с цифрами все в порядке. Отсев (13%) бывает только после окончания училища — некоторые девушки идут не на комбинат, а на другие предприятия или уезжают. Это в пределах нормы. По так называемым табелям движения контингента училища видно, что в течение года почти никого отсева нет — 2—3 человека в месяц. О чем же тогда говорили девушки? Ответ подсказали в отделе кадров комбината: заезды в общежитие бывают один, а то и несколько раз в месяц; две недели, пока длится процесс регистрации, медосмотры, экскурсии на фабрики, девушки просто живут в общежитии, не работая и не учась. Они осматриваются, решают, можно будет тут жить или нет. Вот это самый важный момент. В течение этих двух недель проверяется все — ценность улыбок встречающих, искренность и человечность царящей в большом доме атмосферы. Чтобы почувствовать все это, человеку достаточно и нескольких дней...

Девушки, конечно, говорили правду, но нужно было удостовериться во всем документально. Удалось добыть два документа. Первый — тетрадка воспитателя, в которой зафиксированы все ЧП, связанные с живущими в общежитии: прогулы, опоздания на работу, а также самовольный отъезд насовсем, с вещами. Тетрадка велась с апреля по июнь месяц 1979 года, и за это время уехали 64 девушки. Второй документ — журнал коменданта общежития. Девушки приезжают — им выдается постельное белье; если через неделю человек только сдает белье, нового не берет, его имя перечеркивается — он уехал. Я сделал вы-

писку за следующий период: с 19 июня по 2 июля. За это время из Красноярского края, Казахстана, Молдавии, Удмуртии и Дагестана в ПТУ приехали учиться 60 девушек и 39 из них уехали. Перечеркиваний полны и следующие страницы журнала. Отъезд носит постоянный и массовый характер — девушки уезжают и начав и не начав учиться. Что это значит, как объясняется?

Мероприятий много...

— Да-а, воспитатели... Они всегда чем-то недовольные ходят. По утрам осматривают комнаты, и никогда не было, чтобы спросили просто, как мы, как у нас настроение. Только вот Ольга Алексеевна одна иногда посидит, поговорит с нами.

В 6-й квартире живут девушки, выросшие в детском доме. Они-то, кажется, должны бы уметь справляться со своим настроением собственными силами. И надо же — как дрожит голосок Светланы Красиловой! У Ирины Коровиной, чувствуется, характер сильный — недаром ее избрали старостой по квартире. Она говорит спокойно, но в спокойствии ее слышится горечь: «Мероприятий много, а поговорить по-человечески не с кем, только друг с дружкой. Скучно тут, неуютно, потому и уезжают. Забираемся вечером вот на этот диван, смотрим телевизор. Даже когда звук отключается — он часто отключается, — все равно смотрим».

— А у нас, в 25-й, котенок жил, — говорит девушка с кудряшками светлых волос, — она пришла в 6-ю в гости. — Мы его кормили, даже дежурство установили, когда кто ему молоко покупает. А воспитательница Галина Георгиевна выгнала его.

В 22-й квартире живут все-таки два котенка. Но зато нет телевизора.

— Татьяна Григорьевна, воспитательница, сказала: «Если не выбросите котят, заберу телевизор». А мы привыкли к котяткам, нам без них скучно... А телевизор мы ходим смотреть в другие квартиры...

Маша Желобчук, Шура Алескерова, Марина Дурасова и их подруги приехали сюда из Казахстана, с Украины. Говорят они все вместе, разом. Мне кажется, что живут они так же дружно, как и говорят. И, возможно, особенно их сдружило именно то, что у них есть котятка и нет телевизора.

— Посмотрите, какие голые стены у нас! — говорит Наташа Новикова из Караганды. — Глянешь, и так скучно становится... Мы вырезаем картинки из журналов, да и с собой картины привозим, вешаем их на стены. Но воспитатели, когда обходят утром, все срывают — нельзя, говорят. Все, кроме Ольги Алексеевны. Когда она к нам приходит, мы всегда радуемся...

— А с баянистом вы занимаетесь?

— Да-да, это да. Тут был вечер одной союзной республики, кажется, Киргизии. Баянист приходил, репетировал с пятью девочками из этой республики, которые живут у нас. Что есть, то есть.

— А учиться интересно, преподаватели хорошие. На работе тоже хорошие люди. Иногда даже не хочется в общежитие возвращаться...

— Нет, в общем-то, тут можно было бы жить, если бы мальчишки не лезли. Они по трубе водосточной поднимаются, открывают ставни. Деньги отбирают

у девочек, вообще хулиганят. Воспитателям часто милицию приходится вызывать...

Исследование мое зашло в тупик: есть прекрасная «система», описанная директором Дворца культуры, есть «все условия»... Но дома-то у девушек нет! Несмотря на все это...

Диалог

С Ольгой Алексеевной Марковой, о которой так хорошо отзывались девочки, я познакомился в воспитательской комнате. (Я пришел туда с директором Дворца культуры И. И. Баженовым.) Нас встретила приятная молодая женщина, и как-то сразу, без подробного знакомства, начался разговор...

— Я стою и всегда стоял на том, — говорил Иннокентий Иванович, — что помощь клубного учреждения обществу должна носить методический характер. Ме-то-ди-ческий! Непосредственная подготовка, организация и проведение мероприятий должны ложиться на плечи вос-пи-та-те-лей.

Иннокентий Иванович нажимом выделял ключевые слова.

— Я знаю, что Бокаева Надежда Ивановна, наш методист, сама проводит репетиции с вашими девочками. Я обязательно за-пре-щу ей эту практику. У нее восемь общежитий! Если она будет в каждом проводить репетиции сама, то она завалит мне всю работу! Нет, только методическая помощь!

— А что значит методическая? — спросила Ольга Алексеевна.

— Это, во-первых, реклама — организация и контроль за своевременной вывеской объявлений о мероприятиях. Во-вторых, контроль за работой музыкального работника — явился ли, состоялась ли репетиция. Ну и, конечно, советы методического характера — ведь инструктор по работе в общежитиях — это специалист в области клубной работы.

— У нас был до Надежды Ивановны, — заговорила Ольга Алексеевна, — другой методист, Вячеслав Иванович. Он, действительно, заходил, садился на стул, смотрел, как девочки репетируют с баянистом. Посидит, похвалит — молодцы, девочки, скажет — и уйдет... Надежде Ивановне, я чувствую, совесть не позволяет так работать, она ведь понимает, какой это мизер — баянист, который зайдет раз в неделю, поиграет для пяти девочек. Бокаева добавляет хотя бы еще одну маленькую каплю тем, что сама иногда порепетирует какой-нибудь танец еще с пятью девочками. Мне вообще кажется, что почти во всех мероприятиях, которые проводит Дворец в общежитии, очень небольшой смысл. У нас ведь четырех девушек живет! Они учатся, работают по скользящему графику в три смены. Вы привозите по своему плану кинопередвижку, а воспитатель бегаёт по этажам — ищет, что сегодня дома, собирает по одной. Слава богу, если соберет десяток или два. Да к тому же многое делается совершенно без понятия о том, что девочкам интересно, что нет. Вот, смотрите: в журнале — «Беседа о чести советской девушки». Ну неужто вы думаете, что если мы вывесим такое объявление, хоть одна из них пройдет мимо него, не рассмеявшись? Разве можно так прямолинейно внушать понятия о морали? Или кинолектории ваши. Ну, привезли вы ленту о комсомоле, воспитатель подго-

товился, прочитал лекцию, но много ли девочек можно затащить на это мероприятие? Ведь у них энергии сколько, а им, как и в школе, приходится слушать эту надоевшую «воспитку»... Я уж, чтобы хоть как-то заинтересовать девочек, попросила одну из них подготовить доклад к фильму о Михаиле Ивановиче Калинин. Кстати, спросите их — им понравилось.

— Как, девочке из общежития вы дали говорить о Калинин? Да у нее же всего-то восемь классов, как вы можете ей поручать это? И что за укол насчет чести советской девушки? Вы понимаете, над чем вы смеетесь? — Иннокентий Иванович вытер пот со лба. — Ну хорошо, мы плохо работаем. Как же надо работать по-вашему?

— Вот смотрите: журнал. Когда девочки приезжают, они записывают в специальную графу свои увлечения. Я как-то подсчитала: из тех девочек, которые приезжали к нам за неполный год, 50 увлекаются танцами, 45 спорт, 41 играет на различных инструментах, 31 рисует, пятеро пишут стихи, шестеро хотели бы заниматься в драмкружке. Всего 176. И большинство — уехало! А ведь потенциально это ваши клубные активисты! И какие активисты, вы знаете? Я четыре месяца тут работаю и первый раз вас увидела в этих стенах. Ведь это девочки такие, что дай им только дело... Как-то я поднялась во 2-ю квартиру, а там — не протолкнуться, весь коридор собрался. Представляете, в комнате прямо сделали сцену из кровати, кулисы из простынь и играют сценки, сами для себя! Выдумывают и тут же играют! Есть там у них заводила, Наташа Мирошниченко. И это в одной только квартире!.. Мероприятия, вы говорите. Да, их много. Но почему-то так сложилось, что мы придаем им большее значение, чем девочки. Девочки о них не говорят, это мы говорим все время. У меня такое чувство, что эти разрозненные прокатные мероприятия не приводят и не могут привести к самому главному — чтобы девочкам жилось у нас радостно и интересно, чтобы они не бежали отсюда так дружно в поисках чего-то лучшего. Во всяком случае, я никогда не видела у девочек во время ваших вечеров таких глаз, как во время той театральной сценки или когда они что-то шьют или примеряют...

— Ну, правильно вы все говорите, общественный актив нужно создавать, использовать энергию людей. Это азбука клубного дела. Но это должен воспитатель делать, он ведь знает людей, он их видит каждый день! Мы обязаны, бесспорно, помогать, но ме-то-ди-че-ски, как специалисты-клубники!

— Посмотрите, пожалуйста, этот журнал, — сказала Ольга Алексеевна вместо ответа.

Мы начали перелистывать страницы журнала дежурного по общежитию. Каждый день в графе «дисциплина» записи, каждый день: грубила, кричала, пришла в нетрезвом виде, изрисовала стены, разбила стекло, в комнате такой-то были парни, были парни... Повторялись примерно одни и те же фамилии — пять-шесть, не больше.

— Нет, не думайте, в основном девочки приезжают хорошие, — заговорила Ольга Алексеевна. — Какой-то десяток все портит. Правда, иногда хочется бежать куда глаза глядят из-за этого десятка — трудно исправить человека, глубоко испорченного...

— Извините, я вас перебыю. Вот вы всех ругаете, а сами что же? Сами?

— Я себя не собираюсь выставлять как пример, и делать для девочек могла бы, наверное, больше, чем делаю. Но я просто люблю поговорить с ними, захожу к ним... Вот недавно девочкам из 9-й квартиры привез кто-то косметики, они накрались, надушились, я зашла, чуть не умерла со смеху. Посидели, поговорили. Объяснила им, как нужно всем этим пользоваться.

— А запись в журнале вы сделали об этом? Я что-то не вижу... По каким же показателям комиссии будут судить о вашей работе?

— Разве это нужно записывать? Что-то не нравится мне такая система, я так не могу... Но я продолжу. Вы видите, у нас работа не очень-то простая. Примите во внимание, что, кроме тех десяти, которые массу времени отнимают, на одного воспитателя, дежурящего в общежитии, еще четыре сотни девочек приходится. Все время надо бегать по этажам — то смена белья, то стекло разбито, то замок сломан... Руки не доходят, чтобы действительно что-то хорошее, полезное организовать с девушками, даже если и есть желание помочь им. Да и не знаем мы, как помогать... Но вы скажите, разве это не ваша профессия — уметь завести людей, организовать их на интересное дело?.. Ведь энергия, я говорила, у девочек ключом бьет. Нужно только выход ей дать...

Я слушал и радовался — надо же, какой плодотворный разговор! Именно после таких разговоров делаются действительно полезные, настоящие дела...

К вопросу о том, что надо записывать

Утром следующего дня в профкоме комбината раздался телефонный звонок. Иннокентий Иванович Баженов с утра пораньше решил оповестить свое начальство о строптивой воспитательнице, которая так дискредитировала его работу перед заезжим корреспондентом. Вскоре в дом, где жила Ольга Алексеевна Маркова, был послан гонец, который пригласил ее к старшему воспитателю общежитий комбината Раисе Ивановне Терехиной. Между двумя женщинами состоялся разговор, причем основным тезисом Раисы Ивановны было то, что «нечто подобное она ожидала от Марковой».

Здесь необходимо заметить, что Ольга Алексеевна Маркова по профессии журналистка, член Союза журналистов с 1974 года, долгое время заведовала отделом Владимирской молодежной газеты «Комсомольская искра». В общежитие она устроилась временно в связи с переездом.

Я решил послушать контраргументы задетой стороны. И два последующих разговора — с той же Р. И. Терехиной и Н. Д. Титовой, заместителем директора училища по воспитательной работе, — убедили меня в том, что контраргументов у них, в сущности, нет. Обе женщины все так же рассказывали о множестве мероприятий, которые проводятся в общежитии («Девочки в шкафы прячутся от наших мероприятий», — говорила Нина Дмитриевна, — так их много...»). И та, и другая утверждали, что «интересы, пожелания девочек выясняются, учитываются и принимаются к сведению». Заседает совет общежития, про-

ходят вечера вопросов и ответов. Я попросил Раису Ивановну показать мне протокол заседаний совета. Она сказала, что они должны быть где-то там, кивнув в сторону стола воспитателей... Нина Дмитриевна показала мне все-таки кое-какие документы. Весной этого года в общежитии проводился вечер на медицинскую тему. Действительно, девушки задавали вопросы врачу из поликлиники, пришедшему к ним в гости, посылая ему записки. Но что было в этих записках! Едва ли 30% из них были действительно на медицинскую тему, в основном же вопросы были иного характера: «Почему в общежитии пусто и скучно?» (2 и 3-я квартира); «Почему совсем не проводится общих собраний общежития?» (10-я квартира); «Почему не проводится вечеров-конкурсов?» (без подписи); «Почему нельзя украшать комнаты?» (2 и 3-я квартира) и так далее. На вечере, посвященном вопросам здоровья! Я спрашивал Нину Дмитриевну, как ответили девушкам, приняла ли какие-нибудь меры. Меры она мне перечислила («Замки врезаны, ставни в квартире починили — проверьте»).

Меры действительно были приняты. Это бесспорно. И помещение, в котором жили девушки, стало еще более пригодным для жилья.

...Когда перед отъездом в Москву я в последний раз спускался по великолепной черной лестнице общежития, я встретил поднимавшегося навстречу парня с тяжелым ящиком в руках и проводом. Это был киномеханик Дворца культуры. В 12.00 должно было состояться занятие кинолектория. Стоявшая на верхней лестничной площадке воспитательница увидела киномеханика и всплеснула руками:

— Да ведь нет же никого, на работе все!

— Ну соберите хоть десяток, — откликнулся парень, не прекращая подниматься, — что ж, опять при пустых креслах крутить...

Прекрасная «система» Иннокентия Ивановича Баженова продолжала действовать.

Орехово-Зуево,
Московская область

От редакции

Вопросы, поднятые в статье нашего специального корреспондента, представляются нам важными. Ведь речь здесь идет о внимании к человеку, о чуткости, о том, что является главным в деятельности культпросветчиков и всех тех, кто ответствен за воспитание молодежи. «Настойчиво добиваясь всемерного улучшения дела воспитания, распространения передового опыта идеологической работы, нужно всячески избегать трафаретности, которая неизбежно ведет к формализму, губит инициативу», — отмечал в своем докладе на Всесоюзном совещании идеологических работников товарищ М. А. Суслов. — Серьезный вред наносят попытки втиснуть процесс воспитания в рамки чисто количественных, формальных критериев и оценок. При таком упрощенном, канцелярско-бюрократическом подходе в поле зрения оказывается только число проведенных мероприятий».

Мы приглашаем читателей к разговору о проблемах, затронутых в статье «Человеку нужен дом». Ждем ваших писем.

Репетиция

В НАРОДНОМ ХОРЕ

Открытый урок ведет А. В. Прокошина, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР

В этом номере журнала мы начинаем серию практических занятий и уроков для руководителей и участников самодеятельных народных хоровых коллективов. Вести нашу новую серию «Репетиция в народном хоре» мы попросили А. В. Прокошину. Ранее солистка Государственного академического русского народного хора РСФСР им. М. Е. Пятницкого, ныне Александра Васильевна руководит самодеятельным ансамблем песни и пляски «Искорка» колхоза «Искра», Котельничского района, Кировской области (см. «КХС» № 1 за 1980 г.). Читая материалы рубрики, слушая звуковые приложения к ним, вы сможете побывать на занятиях этого коллектива, познакомиться с методами вокальной подготовки, режиссуры, с другими составляющими многосложной работы его художественного руководителя.

Занятие 1. Формирование творческого лица коллектива

Выбор жанра.
Как подбирать певческие голоса!
Создание репертуара.

Итак, вы решили собрать людей, которые любили бы и хотели бы петь русские народные песни. В первую очередь вы — руководитель будущего коллектива — должны выбрать творческое направление, жанр: исполнение только традиционных народных песен в их подлинном виде (фольклорный ансамбль) либо исполнение обработок народных песен, а также произведений советских композиторов, близких по характеру к народнопесенному творчеству (русский народный хор).

Пойти по первому пути не всем по силам. Что значит «исполнять... в подлинном виде»? Обычно фольклорный ан-

самбль поет в том песенном стиле, который сложился за века в его родном крае — селе, районе, области. Учебников пения по-фольклорному пока не существует: традиционный песенный стиль можно освоить, лишь переняв его у настоящих народных певцов. Стало быть, если такие люди (как правило, пожилые) придут к руководителю, можно создавать фольклорный ансамбль: мастера народной песни станут его ядром. Конечно, сам руководитель должен знать до тонкостей диалект, манеру пения, песенный материал тех мест, где он работает.

В практике художественной самодеятельности нередко встречается моя ситуация: я приехала работать на вятскую землю, но не знаю ее фольклора, поскольку родилась и росла в Калужской области... В составе моей «Искорки» — только молодежь, почти не знакомая с принципами традиционного вятского пения. В подобных случаях очевиден выбор жанра «русский народный хор».

Не следует думать, что петь в народном хоре проще, чем в фольклорном ансамбле, — овладеть любым искусством сложно. Но в упомянутой ситуации научиться петь в манере народного хора действительно проще: в отличие от фольклорного пения в этой области существуют общепринятые методы обучения, детально разработанные специалистами-хоровиками. И этими методами владеют или должны владеть руководители хоровых коллективов.

Что же представляет собой народная манера, в которой поет современный русский народный хор? Она сформировалась на основе того общего, что есть в песенных стилях различных областей России, — это некий общерусский стиль пения. Конечно, хоры каждой области сочетают с этим стилем специфические особенности местного пения, но они сглажены и не выходят, как у фольклорных ансамблей, на первый план. Общее впечатление от пения в народной манере: оно естественно, звукоизвлечение более открыто, чем в академическом

хоре, интонация близка к разговорной. ...Итак, вы приглашаете желающих петь в народном хоре. В первую очередь, чтобы знать, какой высоты голоса вам потребуются, следует наметить количество партий (в партию объединяют близкие по характеру звучания и диапазону голоса). Часто в русской песне каждая партия становится хоровым голосом, то есть ведет свою мелодическую линию. Так образуется изощренный звуковой орнамент, называемый многоголосием. Естественно, что чем больше хоровых голосов, тем интереснее звучание хора. Обычно в смешанном хоре мужская группа поет на два голоса, назовем их тенора и баритоны. Женская группа — делится на три-четыре голоса. Определим их как I сопрано, II сопрано, I и II альты. Заметим, что женские голоса в русской песенной культуре играют, как правило, более важную роль, чем мужские.

Как подбирать голоса? Мы уже знаем, что они должны звучать без напряжения, по-народному. Хорошо, например, если в хор приходит певица с открытым грудным голосом. Но чаще приходят люди, у которых голоса не подходят для народного хора. Например, девушка с искаженным до неузнаваемости голосом — она пыталась петь под Пугачеву! Что ж, надо постараться найти у нее «кусочек голоса», которым она может петь без искажения, а потом всячески развивать и укреплять этот «кусочек».

На этом этапе создания коллектива очень важно найти для каждого его участника «удобные ноты» — тот участок звукового диапазона, где голос певца или певицы звучит естественно, в требуемой нам народной манере. Для голосов различной высоты «удобные ноты» расположены примерно так:

I сопрано — от си малой октавы до диез II октавы;

II сопрано — от ля малой октавы до си-бемоль I октавы;

альты — от фа-диез малой октавы до ля-бемоль I октавы (при делении на I и II альты делится соответственно и этот участок);

тенора — от ми малой октавы до соль I октавы;

баритоны — от си-бемоль большой октавы (ниже поют только в некоторых районах Волги и Сибири) до ре I октавы.

Конечно, для вашего хора это распределение будет отличаться в деталях от приведенного. И будучи найденным, должно стать законом для всей последующей работы коллектива: в партитуре любой исполняемой хором песни каждому исполнителю должны соответствовать его «удобные ноты». А ведь часто руководитель берет понравившуюся песню, не обращая внимания на то, что его певцам она не подходит, неудобна. И удивляется искаженному, неестественному звучанию песни...

Соблюдая же этот закон, можно получить поразительные эффекты! Помню, была в хоре Пятницкого солистка Валентина Ефремовна Клоднина, с бархатным, низким, но небольшого диапазона голосом. Специально для нее композитор В. Г. Захаров написал запев песни «Ой, туманы мои, растуманы». Сделал его невысоким — всего пять нот. Но это были самые удобные ноты Клодниковой. Когда она запевала песню, голос ее казался необыкновенно широким, могучим.

композиторы пишут песни, учитывая голосовые данные конкретных исполнителей. Поэтому руководитель, отбирая песню в репертуар, прежде всего должен изучить ее партитуру: соответствует ли она возможностям его коллектива? К сожалению, большинство произведений, написанных для народного хора, и обработок народных песен предназначено профессиональным коллективам. А у них, как известно, звуковой диапазон шире, чем у любителей... Что ж, в таких случаях можно сделать переложение: приспособить партитуру к своему хору. Дело это творческое, для каждого случая свой подход требуется, но все-таки один пример приведу — мое переложение партитуры русской народной песни «Ой, утушка луговая». Если бы я, согласно партитуре, дала партии I сопрано вести мелодию, то мужским голосам было бы нечего делать. Я произвела такую передвижку: первые голоса поют то, что должны были петь вторые, II сопрано исполняют партию альтов, альты поют либо свою партию, либо вместе с тенорами. Тенорам же отдана мелодия. В результате получилось — в песне все голоса сохранены, и звучат они в удобных диапазонах. И песня звучит во всей своей красе!

Ис. Пс. А. Т. В.

Солистка

Женск. хор.

Солистка

Хор

...Итак, идет работа над созданием репертуара. Собственно, репертуар и определяет творческое лицо хора. Ори-

гинально ли оно, самобытно ли? Это важнейший вопрос для каждого коллектива. Характерная опасность: подражание какому-либо известному профессиональному хору. Надо ли развешивать бесплодность такого пути? Конечно, например, уральские народные хоры должны изучать репертуар и манеру пения Уральского хора и творчески применять достижения профессионалов. Однако самобытность они приобретут лишь в том случае, если будут расти на музыкальном материале своих родных мест. Как «добыть» фольклор? Хорошо, если коллективы получают традиционные песни из первых рук — от народных певцов. Я давно знаю руководителя самодеятельного ансамбля из Брянской области Федора Михайловича Оленева. Постоянно ходит он по окрестным деревням с магнитофоном — уже больше двухсот песен записал. И те из них, что он отобрал и обработал, составили интереснейшую программу, выступая с которой ансамбль получил звание лауреата первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся. Оригинальный, непохожий на других коллектив...

Другой способ обогащения репертуара старинными народными песнями — использование фольклорных сборников. К сожалению, приведенные в них песни нередко записаны с одного голоса. В таких случаях надо делать обработку на несколько голосов, иначе звучание будет обедненным. Дело это непростое, и тем, кто раньше им не занимался, на первых порах следует обращаться за помощью к музыкантам-профессионалам, композиторам. Я покажу свою обработку песни «Уродилось много ягод во бору», которая в сборнике фольклора Кировской области также была дана в одnogолосом изложении. Хоровая партитура сделана на три голоса (эту обработку старинной вятской песни вы сможете услышать на пластинке, прилагаемой к номеру).

Следует ли народным хорам замыкаться в местных рамках? Например, стоит ли нашей «Искорке» петь одни только вятские песни? Думается, что и самодеятельным артистам, и зрителям, что приходят на их концерты, интересно познакомиться с песенными шедеврами других областей России. Поэтому в нашем репертуаре есть и курская «Капустка» с сопутствующими ей трещотками, и орловская «Матаня» — бурная песня-пляска с бешеными дробями. Поем мы и общерусские песни, среди которых особо любим «Горы Воробьевские» — в ней так ярко выражен национальный характер...

Еще одна отличительная черта русского народного хора — он всегда современен. В его репертуаре обычно есть и народные песни последнего времени. Правда, в народе сейчас мало сочиняют протяжных песен. Но все-таки они есть. Можно вспомнить лирическую «Цвела, цвела черемуха», созданную в Архангельской области в годы войны...

Зато сколько частушек живет, рождается сегодня! Это самый современный фольклор — «сегодня произошло, завтра об этом поют». Выступая с частушками, хор приближается к своим зрителям — поет-то он о них и о том, что вокруг них. Да и какой же русский не любит быстрой, стремительной частушки! (Позволю себе перефразировать Н. В. Гоголя.)

Дополняют представленную нами репертуарную палитру песни советских композиторов, написанные для народных хоров. Труд, война, мир, советский человек — тематика этих песен соединяет творческий коллектив с бурной, насыщенной событиями жизнью нашей страны.

Только в последние годы мало пишут композиторы для нас песен, стали забываться народные хоры... Что ж, это означает, что руководителю надо проявлять инициативу: искать неравнодушных к народному хору композиторов, поэтов, увлекать их своими идеями. Именно так в нашем репертуаре появилась песня «Родная земля». Музыку к ней написал композитор Виктор Литвинов, слова — поэтесса Татьяна Алексеева. Мы сами пришли к этим молодым, талантливым людям, рассказали о нашем Нечерноземье, о колхозе, о неоглядных делях, что открываются с крутого берега Вятки-реки. Хорошая получилась песня!

...Еще раз о самобытности хора. Корни ее — и в умении фантазировать. А пища для фантазии — всюду, вокруг нас. Сейчас мы, в «Искорке», думаем над новым номером. Назвали его «Кукарские кружева»: есть в Кировской области речка Кукара, на берегах которой живут кружевницы и плетут тончайшие, известные на весь мир кружева. Поэтому хоровод будет рисовать на сцене сложный, изящный, как кружево, узор. А над ним — задумчивая, тихая, как река, песня...

Занятие 2. Вокальная работа (тихое пение, пение а капелла)

**Постановка дыхания — пение на опоре.
Формирование звука.
Исполнение а капелла.**

— А я не умею петь тихо, и зачем? Хор поет громко, — случается, заявляют те певцы, что первый раз приходят ко мне на репетицию. Приходится объяснять, что тихое пение — в природе русской песни. Как прекрасны, например, моменты, когда певцы переходят с форте на пиано — и песня будто истает в воздухе... Многие народные песни созданы только для тихого исполнения. Например, посиделочные — когда-то собиравшиеся девчата в избе, вышивали, негромко пели. Или свадебные песни,

что исполнялись в момент подготовки невесты к венцу — расплетали подружки ей косу и пели. Мягко, проникновенно.

Отчего же многие певцы не умеют петь тихо? Они не владеют вокальным дыханием — умением петь на опоре. То есть не могут опереть звук на диафрагму. В таких случаях тихое пение получается вялым, безжизненным, сиплым и интонационно неточным — звук без опоры «плывет». Наоборот, при дыхании на опоре получается упругий, прозрачный звук, исполнителю легче выдерживать правильную интонацию.

Особенно заметны огрехи безопорного пения, если хор поет а капелла — без музыкального сопровождения. А ведь традиционная русская песня исполняется, как правило, а капелла. Следовательно, петь в народном хоре можно лишь научившись специфическому дыханию, — это начало и основа всей вокальной работы. Каждый певец должен сам найти опору: попробуйте, выпевая звук с сомкнутыми губами, добиться ощущения резонанса в груди (при этом прикоснитесь рукой к нижней части груди, почувствовав вибрацию, запомните место нахождения резонирующей диафрагмы; эта память поможет вам в дальнейшем безошибочно устанавливать диафрагму в положение, в котором создается опора).

Другая важная составная часть вокальной работы в народном хоре — обучение правильному формированию звука. Некоторые хормейстеры считают: поет певица открытым, своим, природным голосом — значит, это народное пение. Однако и в народе бываю певцы хорошие и плохие. У одних звук упругий, округлый, ясный, полетный, у других — расплывчатый, дребезжащий, тяжелый... Как добиться «высококачественного» звучания голоса? Опять-таки каждый певец должен сам найти определенное положение гортани, языка и место формирования звука, в котором получается требуемое звучание. Так как народная манера пения близка к разговорной речи, место это находится там, где вы выговариваете слова.

В найденном месте следует формировать все звуки. Этому искусству обучают, пропевая различные слоги: меняются гласные, артикуляция, а вот элементы голосового аппарата должны быть зафиксированы в единственном, раз и навсегда найденном положении. Это трудно — на первых порах исполнение отличается звуковой пестротой, которую неопытный певец привнесет и в песню. И опять-таки подобный недостаток особенно заметен при пении без сопровождения.

Вывод: научиться петь тихо, без сопровождения — значит, овладеть самой сутью пения в народном хоре (тот, кто это умеет, без сомнения, хорошо поет громко и под музыку). Можно сказать и по-другому: тихая, исполненная а капелла песня — лучший экзаменатор народного хора.

Репетиции нашего ансамбля «Искорка» обычно начинаются с тихого пения и подготовительных к нему упражнений. Все это вы услышите на пластинке — как певцы ищут опору дыхания, как мы работаем над формированием звука и над исполнением а капелла песни «Уродилось много ягод во бору».

„Говорит Дмитрий ШОСТАКОВИЧ“

Шостакович любил повторять: «Я не умею говорить. Я не журналист, не музыковед, я — композитор; все, что я хочу сказать слушателям, я говорю на языке музыки. Слушайте мои сочинения, я весь — в них». Те, кому довелось общаться с замечательным композитором, подтвердят, что он стремился по возможности избегать частых выступлений, интервью и т. д.; он никогда не ощущал себя оратором. И тем не менее говорить ему приходилось много. На заседаниях правления и различных секций Союза композиторов, на встречах с молодежью, с журналистами, со слушателями. Он вел огромную общественную работу, ему часто приходилось председательствовать в различных комиссиях, жюри, советах, исполнять депутатские обязанности, вести работу секретаря Союза композиторов СССР (на протяжении многих лет он был также и первым секретарем Союза композиторов РСФСР). Наверное, все это отрывало его от творчества, от работы над собственными произведениями, но он никогда не жаловался, он заседал, выступал, вручал награды на музыкальных конкурсах, открывал совещания. Он очень много ездил — встречался с профессиональными музыкантами, с композиторами, с простыми слушателями, с самодеятельными исполнителями. Часто бывал за рубежом. Многие из его выступлений записывались; большинство этих записей носят рабочий, деловой характер — бе-

седа с молодежью, выступление по радио, в котором он рассказывает о своих творческих планах, речь на торжественном заседании, зарубежные интервью... И вот сейчас, четыре с половиной года спустя после смерти композитора, фирма «Мелодия» сделала удивительную вещь — отобрав часть сохранившегося звукоматериала, она издала его в виде комплекта из четырех грампластинок.* Почти три часа мы слышим голос Шостаковича: это пятнадцать фрагментов размерами от минуты до 45 минут звучания. Самое раннее выступление — по Ленинградскому радио с рассказом о Седьмой симфонии (Шостакович начинает его словами: «Час тому назад я закончил партитуру...») — относится к сентябрю 1941 года, самое позднее — беседа с сыном Максимом во время съемок телевизионного фильма — за семь месяцев до кончины, в январе 1975-го. Наверное, нет смысла пересказывать содержание выступлений композитора (лучше уж взять пластинки и внимательно прослушать их). И все же два слова о самих записях. В общем, они носят случайный характер, их технический уровень порой оставляет желать лучшего, но в этой случайности, отрывочности, даже в шумах, сопровождающих речь композитора, как раз документальность,

подлинность. Перед нами Шостакович — человек. Он говорит о величии классической музыки, о своих современниках, затрагивает проблемы узко специальные, музыкально-технологические и тут же — широкие этические и моральные. Он предельно скромен и деликатен в своих оценках, глубоко уважает работу любого человека, и даже если какое-то произведение ему не нравится, он никогда не станет «разносить» автора, а лишь позволит себе указать на некоторые небольшие недостатки. В то же время он весьма критичен в отношении к собственным произведениям — в беседе с польским композитором и музыковедом Витольдом Рудзинским он замечает о Первом фортепианном концерте, что это «не лучшее его сочинение», в беседе с молодежью признает справедливость упреков в адрес финала Десятой симфонии («...мне не удалось найти там широкую тему. У меня там все больше «беготня», быстрые, бегающие темы...»). Шостакович затрагивает также проблемы программности инструментальной музыки, народности («...не только одно лишь использование народных песен делает произведение народным. В «Иване Сусанине» их нет, но упрекать это произведение в ненародности было бы абсолютно бессмысленным...»), призывает молодых композиторов глубоко и серьезно заниматься изучением классического наследия, пи-

* Составитель Г. Шнейерсон, М 40-41705-12, 4 пластинки